

**ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ
ВОЙНА**

Александр Афанасьев

ГНЕВ БОЖИЙ

Период распада

Александр Афанасьев

Гнев божий

«ЭКСМО»

2011

Афанасьев А. Н.

Гнев божий / А. Н. Афанасьев — «Эксмо», 2011 — (Период распада)

Лучший способ защиты – нападение. Это хорошо усвоили руководители Израиля, и ядерные амбиции Тегерана вызвали у них вполне ожидаемую реакцию. Подготовка удара по пусковым установкам иранских ракет заняла годы и должна была вылиться в дерзкую и элегантную операцию спецназа при поддержке собственных ВВС и большого заокеанского брата. Казалось, израильские и американские стратеги учли все, и прочный мир на Ближнем Востоке теперь неминуем. Но у «стражей исламской революции» было несколько иное мнение...

Содержание

Весна 2014 года	5
Ночь на 11 августа 2011 года	12
США, штат Аризона	24
Тот же день	39
США, штат Северная Каролина	43
Российская Федерация, Дагестан	49
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Александр Афанасьев

Гнев божий

На протяжении двадцатого века война не прекращалась ни на миг. Ожидая эпоху всеобщего благоденствия, на самом деле мы вступили в эпоху войн. Впрочем, двадцать первый век сулит нам еще более страшные испытания. Палестина, Афганистан, Ирак, Сомали, Чечня – все это примеры нового типа войны.

Непрекращающиеся войны.

Размышления о современной войне.

Автор

Поистине, те, которые не уверовали, расходуют свое имущество, чтобы отвлечь с пути Аллаха. И они израсходуют его, затем они потерпят убыток, затем они будут повергнуты. И те, которые не уверовали, будут собраны в геенну.

Коран (8:36)

Весна 2014 года

Пустыня Негев, Израиль

Центр подготовки

Тараш¹ Миша Солодкин, получивший свое звание в больнице, где лечился от полученных на дороге ранений, попал сюда довольно-таки случайно. В больнице к нему приходило много людей – настолько много, что у палаты были вынуждены выставить военный караул, чтобы не пускать к больному кого не положено. Командование сочло его действия в засаде совершенно верными, присвоило следующее воинское звание и отправило документы на награждение, награду, правда, пока не дали. Офицеры Шин-Бет его буквально измотали вопросами – он был важнейшим свидетелем произошедшего, настолько важным, что обсуждали возможность дать ему другое имя, чтобы он не стал целью террористов или каких-либо мстителей. Потом он вышел из больницы как раз тогда, когда командование подбирало людей для специальной операции – при этом патрульная группа его была фактически уничтожена, а сам он показал себя храбрым малым, достаточно храбрым, чтобы быть включенным в группу повышенного риска. Поэтому тараш Солодкин получил предписание прибыть в тренировочный центр в пустыне Негев для переподготовки – заодно и физнорматив сдать для дальнейшего прохождения службы после ранения.

В учебном центре в пустыне Негев он встретил несколько своих знакомых из эмигрантов, о его истории, о засаде на дороге уже знали, и командование относилось к нему с уважением. Ему даже предлагали группу, которой будет дано более легкое задание – но он отказался и с несколькими другими бывшими эмигрантами был включен в группу, которая готовилась действовать в Ираке.

То, что группа состояла из эмигрантов, – было оправданно и понятно. Во-первых, в израильской армии с каждым годом все больше и больше становится русских эмигрантов и детей русских эмигрантов, а вот сабра, коренные жители Израиля от службы в армии все чаще пытаются откосить, что по меркам Израиля просто позорно. Во-вторых, в Ираке, как и во всем

---

¹ Тараш – ефрейтор, в израильской армии рядовой первого класса.

арабском мире, с уважением относятся к русским людям, русские много помогали арабам, в том числе и против Израиля. Поэтому одной из наиболее выгодных легенд является легенда русского человека, если ты заговоришь с захватившими тебя в плен по-русски – есть шанс что тебя не убьют на месте, а вот если по-английски или на иврите – тут твои шансы куда меньше. В-третьих, удивительно, но до сего момента в израильской армии не существовало специализированного русского подразделения спецназа, где могли бы служить русские – подобно Дювентиану, где нужны были люди, выглядящие как арабы и способные при необходимости прикинуться арабом. Предчувствуя тяжелые времена, израильское военное командование решило сделать первый шаг к формированию такого подразделения – хотя бы создав русские группы для северного направления атаки. То, что один раз создано, – в большинстве случаев может быть легко воссоздано вновь.

Подготовка специальных групп была нетипичной для израильской армии. Первым делом – экзамен по русскому языку, а дальше два часа в день арабского. Оружие – все русское, трофейное, больше всего внимания уделялось занятиям с автоматами Калашникова и ручными гранатометами «РПГ-7». Утренние кроссы по предгорьям – солнце еще греет, а не жарит и не палит, а жара уже такая, что на кроссе в обморок падают люди, а форма покрывается солевой коркой, разъедающей кожу до волдырей. После утренней пробежки – стрельбы. Вечером – физическая подготовка, снова бег по холмам. В конце курсов – зачет.

Но до этого...

– Тараш Солодкин!

– Есть такой...

Офицер, тоже говорящий по-русски, делает отметку в ноутбуке – и перед рядовым на большой стол увесисто плюхается большой мешок с патронами – в такой упаковке по пятьсот патронов, сами патроны русские, дешевые. За ним – еще один. Стреляй – не хочу.

– Это все мне?

– Нет, мне! Расписался здесь – и марш на стрельбище!

– Так точно!

Его стрелковая позиция – под номером три. Просто какая-то грязная дерюга, брошенная на землю, нет ни вала, чтобы пули не летели куда попало, ни нормальных мишеней. Наоборот – их вывезли подальше от полигона, в качестве мишеней – старые картонные коробки и листы бумаги.

У него – автомат «АКМ» выпуска шестьдесят пятого года, но нормальный еще, на каких только складах его взяли и десять стальных магазинов к нему. Эти магазины надо набить вручную, патрон за патроном. Пот еще есть, к обеду его уже не будет – но пока он есть, он выступает на лице, саднящем от бритвы, капает на руки, лезет в глаза – вообще, мерзкое ощущение, когда на коже пот. Иногда Миша смахивает его и принимается снова снаряжать автомат. Пальцы стертые уже до крови, саднят, в магазинах пружина тугая – видимо, новая, обновили.

Патрон за патроном – под немилосердным палящим солнцем. Все десять магазинов.

Все, готово. Примкнуть магазин к автомату, остальные выложить рядком, с позицией рядом. Украдкой оглядеться – справился вторым. В армии все – на соревновании, только ставка – не медаль, а жизнь.

– Ефрейтор Солодкин – готов!

Подходит офицер – странным образом не потеющий, видимо, уже привык к местной жаре, подходит, проверяет.

– Нормально. Знаком?

– Так точно.

– Из поселенцев?

– Так точно.

Офицер улыбается.

– А я местный. Но с вашими рядом жил, язык знаю. Автомат знаешь?

– У отца такой был.

Офицер жмет плечами.

– Завтра СВД выдам. Или ПК – если хочешь. Сегодня работай с тем, что есть. Начинай.

– А... упражнения?

– А что «упражнения»? Упражнения потом начнутся. Сейчас вон твоя мишень, бей короткими, привыкай. У него отдача сильная – но шьет, как швейная машинка. Начинай.

Конец дня. Башка гудит, в ушах какой-то подозрительный звон. Указательный палец на левой руке стерт чуть ли не до крови – у «АК» довольно жесткий спуск. Когда ему дали два мешка патронов, он думал, что это на несколько дней. Оказалось – на сегодня.

– Пулемет Калашникова модернизированный, применяется в армиях практически всех наших противников, используется нашими спецподразделениями и спецподразделениями стран НАТО в зонах боевых действий. Вам его тоже нужно знать – любой член группы должен при необходимости заменить пулеметчика, потому что без автоматчика группа может выжить, а без пулеметчика – нет. Он тяжелее Негева, весит примерно восемь килограммов без ленты, но намного легче, чем МАГ и М60. Надежный, стойкий к загрязнению, очень неприхотливый. Подготовленный и достаточно сильный боец может нести примерно до восьмисот патронов в лентах к нему. Ствол сменный, запасной в комплекте. Применяется патрон от СВД, мощностью примерно такой же, как патрон 7,62 НАТО – но за счет тяжелой пули лучше, чем МАГ, работает на дистанциях от пятисот метров. Показываю порядок неполной разборки, смотрите внимательно...

Пулеметный короб непривычный – не мешок со стальной горловиной, как на МАГ, а стальная коробка из тонкой стали, зеленая, с выцветшей краской и вытисненной звездой. Непривычные и патроны – с рантиком.

Короб с лентой крепится к пулемету, лента протягивается, первый патрон ложится строго в отведенное ему место, надо следить, чтобы та деталь, которая достает патрон из ленты и подает его в ствол, зацепила первый патрон за рантик, иначе будет задержка. Пулемет и в самом деле довольно легкий, у него штатным был не МАГ, но товарищи-пулеметчики давали пострелять и поносить ротный пулемет и ефрейтор знал, насколько он тяжелый.

Ствольную коробку до щелчка. Затвор. Прицел.

– Ефрейтор Солодкин к стрельбе готов!

Офицер, занимающийся в их непонятной группе преподаванием искусства стрельбы из пулемета, подходит, проверяет.

– Не так. Видишь, в прикладе специально прорезь. Она здесь – не только чтобы приклад облегчить. Руку вот сюда... вот так. Цель видишь?

– Так точно.

– Огонь!

Пулемет отдает в плечо, оглушительный грохот и фонтанчики, выбиваемые пулями из земли. Красные просверки трассеров.

– Чуть ниже – с перелетом бьешь. Ориентируйся по трассерам. Патроны можно не экономить, тут целый короб можно одной очередью выпустить – не застрянет. Если почистил нормально.

– В критической ситуации боец с пулеметом в группе очень важен, не побоюсь этого утверждения, от его действий и действий штатного снайпера группы наполовину зависит выживание всей группы! Зачастую бой начинается так – при перемещении группа попадает под шквальный огонь из засады. Террористы обычно бьют нецельно, им все равно, ранят они кого-то или убьют – а убитые обязательно будут, если группа не умеет противодействовать засаде. Пулеметчику в такой ситуации некогда ложиться и занимать позицию, он должен прикрыть огнем пулемета маневр и занятие позиций остальными. Поэтому стрелять приходится из положения стоя или с колена. У пулемета Калашникова нет передней ручки для удержания, нет и цевья для того, чтобы держаться за него при стрельбе. Но стрелять из него навскидку можно, лучше всего в этом случае держаться за сошки, как в старых наставлениях – ремень и сошки. Ваша задача в данном случае не столько попасть в кого-то сколько ошеломить противника шквалом огня, заставить его прекратить нападение на вас, выиграть несколько секунд, чтобы занять нормальные позиции и открыть огонь. Показываю...

Стойка – на колени. Сошки... неудобно-то как... Только бы гильзоотвод рукой не перекрывать. Ну...

– Огонь!

Пулемет дрыгается в руках как норовистый конь, буквально рвется из рук, ствол задирает вертикально вверх, и приходится прилагать усилия, чтобы точно стрелять. На холме, в километре от них, поднимается облако пыли от попаданий пуль – огонь ведет десять пулеметов враз.

– Ручной противотанковый гранатомет «РПГ-7», излюбленное оружие террористов во второй половине двадцатого века. В сущности – это немецкий Панцерфауст, усовершенствованный русскими, достаточно примитивный, чтобы с ним мог работать неграмотный араб, и достаточно смертоносный, чтобы вывести из строя танк. Не всякий, конечно, танк, но...

Инструктор, похожий на араба – а может, и есть араб, есть и те арабы, которые воюют за Израиль, например, в Ливане христиане воевали за Израиль, смотрит на молодых израильтян с прищуром, характерным для тех, кто всю жизнь жил в пустыне и не хочет, чтобы песок задувало в глаза.

– ...Танки бывают разные и ракеты к «РПГ-7» тоже бывают разные. Наиболее опасные для бронетехники русские тандемные, надеюсь, мы с ними никогда не встретимся. А вот это...

Инструктор поднимает со стола что-то, похожее на городошную битую, оливкового цвета.

– Вот это наиболее опасная граната, применяемая против живой силы противника. Оскольно-фугасная, китайского производства. Согласно какой-то там конвенции, нельзя делать осколочные гранаты калибром больше, чем калибр пусковой установки – поэтому китайцы сделали ее такой длинной. В городе стрелок средней квалификации может попасть в окно метров с двухсот, внутри никого живого не останется. Разрыв такого снаряда у стены может поразить осколками целый патруль. Ракета очень опасная, американцам повезло, что у федаинов Саддама таких почти не было, только старые, часто просроченные и хранившиеся как попало противотанковые ракеты, взрывающиеся через раз...

Инструктор поднимает другую ракету, двусторонний конус на длинной палке.

– Вот это – классическая ракета. Против танка, если это современный танк, к примеру, Меркава, она непригодна, а вот против старого Т-72 без динамической защиты – вполне и сойдет. Самое главное – именно такими ракетами сбивают вертолеты последний десяток лет в Афганистане. Выстрел к «РПГ» на базаре стоит долларов двадцать-тридцать, очень дешевый. Если у вас есть укомплектованная опытными гранатометчиками группа, если вам удалось просчитать место посадки вертолета и замаскировать до поры свои намерения – вертолет ваш. В Афганистане американцы уже потеряли более трехсот вертолетов, это при том, что у моджахедов нет «Стингеров», какими они сбивали самолеты во время советского нашествия...

Странно – но при этих словах Мише почему-то стало неприятно, как будто оскорбили его собственную страну. Оглянувшись, он понял – не ему одному...

– «РПГ-7» имеет очень простую конструкцию, по сути, это труба со спусковым механизмом, калибр чудовищный – сорок миллиметров или четыре сантиметра, слоновых ружей таких нет. При выстреле – ухо стрелка оказывается как раз напротив того места трубы, где воспламеняется вышибной заряд реактивной гранаты. Впечатления неприятные.

Перед выстрелом всегда смотрим, кто находится позади тебя. Опасная зона при выстреле из гранатомета – до двадцати метров! Из помещений стрелять тоже нельзя, если это помещение не размером с гимнастический зал!

Мишень – классическая для советских стрельбищ, ящики с промасленной ветошью. Стрельбы – ночные, освещения почти нет, только костры горят.

– Целься! Огонь!

По уху как кувалдой... боже...

Пуля взрывает землю прямо перед носом, жесткая крупа безжалостно хлещет по лицу. Солдат, в которого едва не попал снайпер, откатывается назад, за гребень.

– Там пройти нельзя... – говорит он, остервенело вытирая лицо.

– Кто еще так думает?

Скопившиеся в какой-то рывтине солдаты подавленно молчат – обстрел снайпером на психику действует очень здорово...

– Значит, все. Тогда объясняю. Первое – если ведется одиночный огонь, он не всегда снайперский. В Ливане и в Ираке такие штуки применялись – федаин ведет огонь одиночным из «калаша», все думают, что снайпер, останавливаются, вызывают антиснайперскую группу. Так может потеряться несколько часов, а у вас не будет и нескольких минут. Второе – даже если это и в самом деле снайпер, у него меньше возможностей, чем вы думаете. Прицел снайперской винтовки, он хоть и приближает цель – но в то же время сокращает поле зрения, только очень опытный снайпер способен быстро переносить огонь по фронту. Первым делом вы должны попытаться понять, откуда именно стреляет снайпер, даже если у вас нечем его достать в настоящее время. Вторым – передвигаться короткими перебежками, но именно перебежками, если позволяет обстановка. Никогда не бегите прямо навстречу снайперу, если вы знаете, где он находится, – цель, идущую прямо на тебя, куда легче уничтожить. Никогда не действуйте против снайпера в одиночку, действуйте группой, отвлекайте его внимание – стрельбой, метанием гранат – всем, чем угодно. Наконец – лучшее средство против снайпера – это дым и другой снайпер. И то и другое у вас будет. Все понятно? Тогда приступайте...

– А если этот снайпер в нас попадет? – мрачно спрашивает молодой младший сержант по имени Александр, он из детей поселенцев с Западного берега. – Он ведь боевыми стреляет. По дури – да и попадет хоть раз.

– Тогда про вас хорошо напишут в газетах... – усмехается инструктор, – родился... учился... мечтал... Все, пошли!

– Щас пойдут... – Абрам Собинсон, младший сержант, родившийся в Минске, а службу проходящий уже в Израиле, странно поежился. Он был сильным – но тощим, невысоким и со стороны казался пацаном.

– Обосрался?

– Ага, щаз... Тебе напомнить, как ты обосрался?

– Это когда?

– Собинсон, Солодкин – замолчали оба! Не время!

Да уж... Не время.

Они лежали в русле какой-то высохшей речки... верней, не в самом русле, а по ее краям. Четыре группы в головном дозоре... с гранатометами, пулеметами, автоматами. Лежали под палящими лучами солнца, со сбитыми в кровь пальцами, стертymi ногами... не потели, потому что нечем было потеть. Перед глазами – солнечная пелена... сорок один градус на солнце, это еще немного, это терпимо...

– Еще раз. Только по сигналу. Гранатометчикам – весь огонь на танк. Пулеметчики – бьют по колонне. Основные цели – пулеметы и пулеметчики за ними, если не выбьем – они сами нас выбьют. В минуту. Дошло?

– Так точно.

– И не ссать! Прорвемся...

Танк они сначала услышали и только потом увидели. Древний Т-72, использующийся здесь в учебных целях, окрашенный в светло-серый цвет, упорно полз вперед, попирая гусеницами древнюю, библейскую землю. Он шел первым, за ним – грузовики, «Хаммеры»... с пулеметами. Развернуты елочкой, причем солдаты за пулеметами настороже, они знают, что едут по руслу не просто так, что где-то впереди – засада.

Четыре гранаты срываются в направлении танка, по две с каждого берега, огонь пулеметов косит ракетчиков, но дело уже сделано – танк останавливается и выбрасывает из люка столб красного дыма – есть поражение. Со всех сторон бьют трассеры, колонна огрызается огнем, пытаясь занять оборону, – и все больше и больше солдат, у которых на каске открылся красный лоскут, выругавшись, опускают оружие. Убиты...

Холм. Просто холм, несколько пацанов в старой и драной форме, лопаты и оружие. Много оружия и лопаты.

– У вас... – инструктор смотрит на часы, – только тридцать минут.

Лопата вырывается из рук, соленый пот ест глаза, руки уже давно стерты до кровавых пузырей. Каменная, неподатливая земля, чтобы ее копать, нужно буквально вбивать в нее лопату. Выковырянные куски земли складываются в нечто наподобие бруствера.

Рокот вертолетных лопастей, неожиданный – и совсем рядом. Никто не слышал, как вертолет подобрался к ним вплотную.

– Ложись!

Тараш Солодкин едва успевает свернуться клубком в яме, которую он выкопал и которая совсем не похожа на окоп. Гремит установленный на вертолете бортовой пулемет, свистят пули, врезааясь в землю. Страшно...

Причина всего этого – такой жесткой и многоплановой подготовки солдат, которые, в общем-то, должны будут сидеть на скамейке запасных, – была простой. Точнее – причин было даже несколько. Первая причина – они были резервом командования. Северная группа вполне могла застрять там, в горах Тебриза, быть блокированной и даже не выполнить задания. В этом случае предусматривался запасной план – повторный авиационный удар, уже напролом, всеми силами израильских ВВС и, возможно даже, ракетами и заброска сильной эвакуационной группы. Группа, находящаяся у самых границ и хорошо подготовленная, при необходимости могла либо принять участие в десанте – либо попытаться пробить коридор к прорывающейся к границе основной группе. Причина под номером два – на группу и в самом деле могут напасть. Все очень просто – пролетающий над границей на большой высоте беспилотный дрон-разведчик² замечает непонятный лагерь, и информация о нем попадает на стол офицеров-аналитиков иранской армии. Учитывая, что лагерь находится у самой границы, – принимается решение проверить его, для чего к лагерю посылают банду. Это может быть

---

² Дрон – одно из названий БПЛА.

отряд Аль-Кодс, иракская Хезбалла или местная их крыша – Армия мучеников Муктады ас-Садра. Банда – до ста человек живой силы, несколько единиц техники, в том числе автомобили с пулеметами, гранатометы и, возможно, минометы. Если в лагере просто нефтяники – их можно обложить данью или похитить ради выкупа. Могут и просто убить – в назидание всем, чтобы больше ни у кого не возникало светлой мысли разбить лагерь прямо у иранской границы. В этом случае необходимы были люди, способные защитить лагерь от нападения боевиков, защитить при любой ситуации.

Наконец – третья и последняя причина состояла в том, что никто не питал иллюзий относительно военного разгрома Ирана. Можно лишить его ядерного жала – но Иран все равно останется опасным. Иран будет намного опаснее, чем Саддам, лишившийся Осирака – потому что Ирак делал ставку на классическую, государственную силу, а Иран делает ставку на исламский экстремизм и поддержку террористических организаций. А для террористов, для террористического удара возмездия нет ни границ, ни расстояний. Вот почему Израиль должен был быть готовым ко всему, что произойдет потом. Готов к любому развитию событий, в том числе и к нападению со всех сторон. Готов на уровне – все, способные носить оружие...

Ночь на 11 августа 2011 года Джидда, Саудовская Аравия Аэропорт и база ВВС Кинг Халид Интернэшнл TF Sword

Операция «Мирная инициатива»

Самолет – один из многих, участвовавших в операции «Мирная инициатива», начавшейся этой ночью, – несколько часов назад вылетел с базы ВВС в Рамштайне, Германия, чтобы приземлиться здесь, на саудовской земле, беспокойной и полной раздоров. Это был тяжелый, похожий на уродливую, раздувшуюся дохлую корову C5A Galaxy, предназначенный в свое время для того, чтобы установить воздушный мост между США и Европой в случае вторжения русских. Сейчас русские никуда не собирались вторгаться, но мост был установлен и функционировал он вот уже четыре с половиной часа.

Все люди, летевшие в этом самолете – а самолет был полон, была даже установлена дополнительная грузовая палуба, которую в последний раз устанавливали во времена «Бури в пустыне», – принадлежали к вооруженным силам США, только к разным родам войск. Многие были заняты в Афганистане, были разбросаны по разным военным базам – и для этой экспедиции людей собирали в буквальном смысле слова «с бору по сосенке». Здесь были парни из десятой горной дивизии из Форт Драма, которые должны были отправляться в Афганистан, а вместо этого отправились сюда. И здесь были американские морские пехотинцы, лучшая часть американских вооруженных сил, первый и второй батальоны второго полка морской пехоты из Кэмп Леджун в Северной Каролине, соответственно носящие клички Timberwolf и Warlords. Еще были какие-то мутные парни – бейсболки, темные очки, гражданские обвешанные на пару тысяч долларов карабины, – такие все чаще и чаще летали в военных самолетах, хотя это было незаконно. В самолете они отвоевали себе место на верхней палубе и там сидели всю дорогу, стараясь не обращать внимания на морских пехотинцев и горных стрелков, а те старались не обращать внимания на них. Среди горных стрелков не было ни одного человека, который бы не прошел Афганистан – и все отлично помнили, сколько проблем создавали эти парни в черных очках, срубаящие иногда по паре тысяч долларов за сутки. Было большой ошибкой посадить их в самолет, полный стрелков из десятой горной, и лишь несколько взводных сержантов, сидящих рядом с частными подрядчиками, одним своим видом успокаивали отрядных шутников, постоянно готовых зацепить ублютков сначала словом, а потом и крепким кулаком. Только драки на борту самолета и не хватало.

Самолет зарулил на стоянку, замер. Крутились на малом ходу, остывая после перелета, турбины. На пассажиров рейса АэропортДФК³ – Рамштайн – аэропорт Кинг Халид – навалилась тишина...

– Спасибо, что воспользовались услугами нашей авиакомпании... – подвел итог один из сержантов, доставая из ушей патроны калибра 9 мм, которые он использовал в качестве затычек. – Так, дамы, вынимайте затычки из ушей, из задницы и где там они еще есть и на выход. Строиться около самолета. Двигаемся!

Аэропорт Кинг Халид, ближайший к Джидде, встретил необычным затишьем – жила своей жизнью только посадочная полоса, каждые три минуты принимавшая новый и новый самолет. А вот гражданские самолеты стояли безжизненным стадом, как будто произошло что-

---

³ Аэропорт имени Джона Фитцджеральда Кеннеди, Вашингтон.

то, все люди вымерли и никому больше не надо лететь. Здание аэровокзала было освещено, движение было только там и первое, что бросалось в глаза, – это выбитые стеклянные панели.

Один из американских офицеров достал фонарь, начал сигналить условным кодом куда-то в сторону аэровокзала. Оттуда ответили – и через несколько минут к настороженно стоящим американским солдатам подъехали две машины – «Хаммер», но не военный, а гражданский Н2 и «Линкольн», причем на «Линкольне» были дипломатические номера.

Из машин вышли несколько человек, с оружием и без, из оружия были дробовики и карабины М4. Вооруженные заняли круговую оборону у машин, безоружные направились к американским солдатам. На безоружных были бронежилеты.

– Кто главный?! – спросил один из приехавших, среднего роста, лысоватый, бронежилет не застегнут, а просто наброшен поверх белой рубашки.

– Наверное, я... – шагнул вперед офицер, почти ничем не отличавшийся от остальных, – бригадный генерал Эрик Лоддер, армия США.

Бригадный генерал Лоддер не относился ни к морской пехоте, ни к командованию Десятой горной. Все знали о нем, как об офицере, близком к Госдепартаменту, специалисту по террористическим угрозам и человеку, выполняющем особо щекотливые поручения там, где необходимо задействовать те или иные военные части.

– Чак Любин, второй секретарь посольства. Эти люди тоже из посольства. До вас довели задачу в Рамштайне?

– В общих чертах, сэр, – ответил генерал, – за то время, пока мы летели, все могло десять раз измениться. Я бы предпочел услышать все от вас.

– Времени нет... ладно. Король Саудовской Аравии позавчера умер от рака. Это все, как обычно, попытались скрыть до тех пор, пока местные ублюдки из Аль-Саудов не договорятся о преемнике. Скрыть не удалось. Пустили слух, что короля убили, и люди бросились на улицу. Вчера весь день шли беспорядки, проявились шииты, приезжие, прочая дрянь... здесь мы все как на пороховой бочке. В условиях, когда король умер и ходят такие слухи о его смерти, – мы не можем полагаться ни на армию, ни на полицию, вчера в Убейле часть полицейских перешла на сторону демонстрантов. Здесь никто не работает, все отсиживают задницы по конторам, работают приезжие, которых навезли из Йемена, из Палестины и из прочих поганых мест. Сейчас они вырвались на улицы и требуют, чтобы им было предоставлено гражданство этой страны, у них уже есть оружие. Есть бунтовщики и из местных. Короче говоря, ваша задача, генерал, занять со своими людьми ключевые объекты города и удерживать их до команды. И желательно без насилия в отношении местных граждан.

Последнее генералу не понравилось.

– Сэр, я бы хотел прояснить пределы применения силы. Кто сейчас удерживает эти объекты? Они в руках законных властей? Или мы должны их штурмовать?

– Часть, конечно, удерживается полицией. Часть вообще никем не удерживается, часть разграблена и подожжена. Вчера целый день грабили.

– Вы можете мне сказать, какие конкретно объекты кем удерживаются?

– У меня есть карта...

– Я спрашиваю не о карте, мистер второй секретарь. Карта есть и у меня. Я спрашиваю об обстановке в городе. Вы ее знаете?

– Я могу сказать обстановку на двенадцать часов дня. По данным полиции.

Бригадный генерал иронично посмотрел на часы.

– Черт возьми, вы прибыли, чтобы решать проблемы или доставлять мне новые?! – не выдержал второй секретарь.

– Сэр, это вы мне доставляете проблемы своими вводными, – невозмутимо ответил бригадный генерал. – Мы не можем разбираться, где местный житель, где нет. Мы можем стре-

лять только по вооруженным людям, но если мы увидим направляющегося к нам с недобрыми намерениями парня с «АК-47» – мы его завалим.

Второй секретарь нервно сглотнул слюну. Ему позвонили из Госдепартамента и сказали, что бригадный генерал Лоддер... нормальный человек и с ним можно иметь дело. На бюрократическом новоязе Вашингтона это означало, что бригадный генерал Лоддер может подставить своих людей во имя политических интересов. Но сейчас второй секретарь видел перед собой обычного ограниченного вояку со взглядом упертого осла.

– Сэр, не переменным условием задания является ограничение в применении силы. Вы можете стрелять только в ответ.

– Мы и будем это делать. Но, черт возьми, вы должны понять, что мы будем делать именно это, а не сидеть и жевать соплю.

Второй секретарь нервно махнул рукой:

– Еще раз предостерегаю от излишнего применения силы. Эта страна – как пороховая бочка, если она взорвется – все, буквально все в лучшем случае будут работать где-нибудь в Макдоналдсе. Пройдемте в машину, там у меня есть карта.

– Принесите сюда. Ее должен видеть не только я.

Буркнув что-то под нос, второй секретарь поспешил к машине.

– В этой стране официальной религией является ваххабизм, – сказал задумчиво генерал, ни к кому не обращаясь, – и мы должны стрелять только в ответ. Интересно, крайне интересно. Чертовски интересно, я бы сказал.

Второй секретарь принес карту, ее расстелили прямо на бетонке, осветили фонарями. Командиры принялись наносить обстановку на свои планшеты, распределяя подразделения по объектам.

– Как мы выдвигаемся к объектам? У вас есть техника? Где она?

– Техники полно перед аэропортом. Любой, на выбор.

– То есть? – не понял бригадный генерал.

– Перед аэропортом стоянка, полная техники, автомобили, автобусы, мародеры сюда не добрались. Она в вашем распоряжении.

Теперь на второго секретаря недоуменно смотрели и другие офицеры.

– Сэр, это сильно смахивает на мародерство.

– Черт возьми, тут каждому младенцу на счет кладут пару сотен тысяч долларов! Здесь все за счет короля, можете считать, что это распоряжение короля – вы имеете право пользоваться всем, что есть у его подданных.

– Какого короля, мертвого? – пошутил кто-то.

– Черт, сэр, мне как-то не по себе. Не хочу портить эту машину.

– Эй, что там у вас?! – крикнул цэрэушник. Они уже выбрали себе машину, белый «БМВ» Х5, и грузились в нее.

– Рядовой не хочет бить стекла в этой машине! – откликнулся капрал морской пехоты США Ракстон. – Он никогда не катался на такой тачке.

Цэрэушник подошел ближе. Ухоженный, с мексиканской бородкой «готи», от него пахло каким-то одеколоном.

– «Бентли»... Неслабо выбрали, хотя лучше, конечно, внедорожник. Или пикап. Да попрочнее.

– Все разобрали зеленые⁴. И ваши люди.

– Вот как. Ну-ка...

---

⁴ То есть военные. Морская пехота – это самостоятельный род войск, не армия и не флот.

Цэрэушник достал какую-то штуку, похожую на мобильный телефон, начал нажимать кнопки. Секунде на десятой «Бентли» приглашающе мигнул фарами, с едва слышным щелчком разблокировались двери.

– Спасибо, сэр. А как насчет ключа...

Цэрэушник уставился на морпехов.

– Не поверю, что среди вас нет ни одного с судимостью за угон. Пять минут – и за нами.

«Бентли» был довольно старой модели, Арнаж с удлиненной базой, благоухающий внутри какими-то духами. Завели его просто, соединив провода под рулевой колонкой, с новой моделью этот фокус уже не прошел бы.

Глухо взревел мотор – шесть и три четверти, классика. Мотор, который даст фору и грузовику – девятьсот ньютон-метров крутящего момента. Приглушенный свет в салоне и белая кожа...

– Прокатимся как Эминем⁵! – заявил рядовой Спунер, устраиваясь на заднем сиденье вместе со своим пулеметом. – Шофер, в отель Ритц, пожалуйста.

– Совсем оборзел Дылда. Брысь отсюда...

– Эй, пулеметчик должен был сзади. Кто будет прикрывать ваши задницы, когда за нами увяжется погоня?!

– Обойдемся. Давай вперед.

Дороги в Эр-Рияде, столице Саудовского королевства, были не просто дорогами. Это были ДОРОГИ. Именно так, все буквы большие – ДОРОГИ.

Не знавшие ни зимы, с постоянными оттепелями, снегом и льдом, ни дождя, который здесь никогда не шел и не мог размывать дорожное ложе, эти памятники человеческому упорству разрезали безжизненный пустынный пейзаж на ломти, стремились за горизонт – белые, идеально ровные, с великолепной дорожной разметкой. Они шли от города к городу, от поселения к поселению, никакая экономика не могла окупить наличие столь хороших дорог в столь отсталой стране. Но король Саудовской Аравии считал, что его подданные даже в самом нищем захолустье вправе пользоваться такими дорогами⁶. И он строил эти дороги, а сейчас по ним ехали в реквизированных машинах и туристических автобусах морские пехотинцы, чтобы защитить престол от благодарных подданных.

Воистину, люди неблагодарны...

Обычно впереди идет лимузин, за ним – машина сопровождения. На сей раз было наоборот – в маленькой колонне первым шел новенький «БМВ» X5, вторым, чуть отставая и ориентируясь по габаритам «БМВ» – шел «Бентли».

Въехали в город. Город отличался сочетанием современных небоскребов и частной, зачастую одноэтажной застройки, широкие улицы, местность ровная, как стол, много зелени, немыслимой для пустыни еще двадцать лет назад. Сразу заметили полицейские патрули, усиленные в некоторых местах бронетранспортерами, Пиранья-5, это то же самое, что и морпеховские LAV-25, только лучше. Полицейские были вооружены автоматами, но не было похоже на то, что они контролируют ситуацию. Машин на улицах было немного, припаркованных намного больше. Те, что двигались, – двигались быстро, на некоторых – разбитые стекла и следы от пуль. Горелого пока ничего видно не было, зато несколько раз они видели полицей-

---

⁵ Известный рэпер.

⁶ Саудовский режим не так прост. Да, это абсолютная, в чем-то очень жестокая монархия. Но там есть то, чего нет в России. Этот режим не просто на словах – а на делах считает своих подданных членами одной семьи. И если русские власти стыдятся своего народа, бизнес живет в Лондоне, а на заработки приезжает в Москву, то бизнесмены оттуда переделывают свою страну и испытывают удовольствие от того, что это к ним в страну приезжает британская обслуга и унижается перед ними, детьми пустыни.

ские машины, возле которых никого не было – то есть полицейские бросили их на произвол судьбы и смылись.

Обращало на себя внимание и большое количество дорогих машин. Некоторые были откровенно брошены прямо посреди улицы...

– Черт, вот живут люди...

– На твои и на мои денежки. Каждый раз, когда мы заправляем машину бензином, эти парни становятся богаче.

– Все равно, хреново здесь.

– Пока не стреляют.

– Я не про это. Давит...

Ни один из морских пехотинцев – если бы кто-то спросил его – не смог бы объяснить, что именно давит в этом ровном, богатом, построенном как по линейке городе. Но давило... давило, и это ощущали все.

– Он останавливается!

«БМВ», помигав поворотником, смещался влево, ища подходящее место.

– Рули за ним.

Они только повернули с одной большой улицы на другую на современной двухуровневой развязке. Морские пехотинцы не знали, что это был поворот с Норт Ринг на Кинг Фахд, указатели здесь над дорогой были, но там все было написано большими арабскими буквами, а по-английски – более мелкими и не подсвечивающимися. Наконец, «БМВ» остановился, причем не притираясь к тротуару, просто остановился, и «Бентли» остановился в нескольких метрах позади него.

Из «БМВ» вышел один из цэрэушников, расслабленной походкой направился к «Бентли». У него был излюбленный для темных операций последнего времени египетский «АКМ», импортируемый в США компанией Интарармс, и отличался он от обычного тем, что на стволе был небольшой, профессионально сделанный глушитель.

– Не нравится мне этот парень... – прокомментировал пулеметчик.

– Сэр, кажется, нам говорили, что все, у кого есть «АК-47», являются противниками, – сказал водитель.

– Заткнись, Майлс. Не умничай.

Цэрэушник постучал согнутым пальцем в стекло, капрал нажал на кнопку стеклоподъемника, и стекло мягко соскользнуло вниз.

– Все о'кей, парни. Как прокатились?

– Все на пять баллов, сэр. Спунер вон раздумывает над тем, чтобы попросить политического убежища.

– Вот как?

– Да, сэр. Он у нас известный анархист.

Разведчик скорчил что-то, что должно было означать улыбку. Потом бросил на колени капралу небольшую, гражданского образца, но очень хорошую и качественную рацию. Такую использовали наемники.

– Третий канал. Мы будет работать на нем. Наш позывной – Старик. Твой?

– Э... пусть будет Акула, сэр.

– Акула. Ну, пусть будет Акула. Не возражаю... И так – Старик вызывает Акулу, как принимаете?

– Принимаю громко и четко, сэр.

– Связь установлена. Правила игры такие – вы делаете только то, что мы скажем. Едете туда, куда мы скажем. Не удивляетесь ничему, что вы увидите или услышите. Самое главное – не стреляете до тех пор, пока мы не укажем вам цель.

– Сэр, последнее... в случае нападения у нас есть санкция отвечать.

– Эта санкция остается при вас, капрал. Если кто-то стреляет в вас – можете стрелять в ответ. Но если в вас никто не стреляет – вы стреляете тогда, когда мы скажем. И в того, в кого мы скажем. Это всем ясно?

– Да, сэр.

– Если у кого из вас легкая гашетка и неудержимое стремление к справедливости, предупреждаю, сейчас не время и не место. Если же кто-то не внимет моим предупреждениям – потом будет пенять на себя, это всем ясно?

– Да, сэр... – замогильным тоном ответил за всех капрал.

Цэрэушник еще раз оглядел морских пехотинцев в салоне «Бентли» и пошел к «БМВ».

– Готовится какая-то подлянка, парни... – сказал после долгого молчания Спуннер, – и самое хреновое в том, что сидеть за это придется нам...

– Не каркай, рэпер, – мрачно сказал капрал, – и держи палец на спусковом крючке.

Главный офис АРАМКО в Эр-Рияде находился на Аль-Мутамарат, от Кинг Фахд надо свернуть на Мекка Род, а потом на Аль-Тахасусси. Представляет он собой, на удивление, небольшое, приземистое здание с автостоянкой, совершенно не похожее на здание корпорации, вращающей десятками миллиардов долларов. С тем же зданием Газпрома в Москве или с деловым районом Хьюстона – никакого сравнения. Здесь вообще все было странным, не таким, как кажется...

Они простояли еще минут пятнадцать, ожидая непонятно чего, потом Спунер, нервно оглядывающийся по сторонам настолько, насколько это было возможно в «Бентли», увидел, как с той же трассы, с которой съехали они, на их дорогу сворачивают два больших китайских грузовика с закрытыми бортовыми кузовами. И это ему не понравилось.

– Внимание, сзади справа!

Машины ехали медленно, не было заметно, что они едут по делам. Не светили фары – а ночью это вдвойне подозрительно, возможно, у водителя есть прибор ночного видения.

– Старик, Старик, вызывает Акула.

– На приеме.

– Справа и сзади. Не нравятся они мне.

– Пусть проедут.

– Принял.

Спунер переложил пулемет так, чтобы можно было стрелять навскидку. Двести патронов в ленте в руках полусумасшедшего любителя хип-хопа – это тебе не хухры-мухры, на таком расстоянии будет настоящий рок-н-ролл.

– Не стрелять. Пусть проедут...

– Черт, как мне это не нравится.

– Спокойно. Не дергаемся.

Внедорожник «БМВ» помигал поворотником и двинулся с места.

– Едем за ними!

– Сэр, у них «АК»! – крикнул востроглазый рядовой Бар, сидевший на переднем пассажирском. – Там под тентом люди с «АК»!

– Черт... Старик, Старик, это Акула.

– На приеме.

– Мой парень говорит – он видел людей с «АК» в одной из машин, повторяю – в одной из машин предположительно находятся люди, вооруженные «АК-47».

– Все в порядке, Акула, мы знаем об этом. Продолжайте движение за нами.

– Вас понял...

Они проехали еще два квартала – по улице тащились грузовики, за ними – «БМВ», за ними «Бентли». Потом снова ожила рация.

– Акула, выйдите на связь, это Старик.

– На приеме.

– Наблюдаете стоящий справа от вас грузовик?

Грузовик и в самом деле был. Похож на армейский.

– Старик, положительно, мы его видим.

– Акула, приказываю остановиться напротив этого грузовика и ждать.

– Так точно.

«Бентли» остановился.

– И еще, Акула. Сейчас вы услышите стрельбу. Не реагировать на нее, повторяю – не реагировать.

– Старик, мы не должны ничего предпринимать, когда услышим стрельбу, я правильно понял, подтвердите?

– Акула, все верно. Просто стойте и ждите команды.

«БМВ» уже скрылся за поворотом, морские пехотинцы напряженно ждали. Потом стрельба и в самом деле вспыхнула – стреляли как минимум два десятка «АК», если не больше, несколько М16 и еще что-то. «БМВ» видно не было...

Какое-то время капрал просто нервничал, потом решился:

– Гуди!

– Я, сэр.

– У тебя ночной прицел исправен?

– Да, батарейки свежие совсем.

– Тогда слушай приказ. Двигай задницей к перекрестку, вон туда, и попробуй посмотреть, что там за чертовщина происходит. Только не высовывайся, понял? Посмотришь, и сразу назад. Все понял, рядовой?

– Так точно, сэр.

– Спунер, прикрой его со своей тарахтелкой.

– Й-е-ху!

– И не стреляй во все стороны, дошло?

– В лучшем виде, сэр. – Спунер медведем полез из машины.

Чертовы хипхоперы...

Спунер перебежал вперед и занял позицию прямо на тротуаре, укрывшись как раз за грузовиком. Людей тут не было совсем – ночь, да еще, видимо, это был деловой квартал. Рядовой Гуди, лучший снайпер огневой команды, придерживая винтовку с массивным прицелом AN/PVS 27, побежал вперед к перекрестку.

– Майлс...

– Сэр?

– Держи ногу на педали. Будь готов. Сначала рвем вперед и подбираем Гуди, потом сразу сдавай назад. Дошло?

– В лучшем виде, сэр...

Гуди, прошедший снайперский курс подготовки, все сделал грамотно – сначала выставил зеркало, которое всегда таскал с собой, только потом высунулся сам. Какое-то время рассматривал происходящее в прицел, потом побежал назад. Капрал сделал знак Спунеру – возвращаться...

Гуди вломился на заднее сиденье, тяжело отдыхаясь.

– Чертовы ублюдки...

– Докладывай, что там.

– Там какое-то чертовски крутое дерьмо заваривается, сэр. «Бэха»... ну тот самый «БМВ», на котором ездят наши друзья, – стоит посреди улицы, а наши друзья все вылезли наружу и в кого-то стреляют. У них три «АК» и русская снайперская винтовка, все, кажется,

с глушителями. А еще дальше – стоят эти машины и обе, кажется, выведены из строя, а одна, кажется, горит. В общем – что-то совсем неладное там происходит.

Капрал подумал – не стоит ли связаться со штабом, уточнить, должен ли он по-прежнему подчиняться этим подозрительным уродам, но потом передумал. Приказ о радиомолчании никто не отменял, а связаться иным способом было невозможно.

– Сэр, может...

– Не может, Майлс. Не может. Сиди, не отвечивай задницей на все стороны света.

– Акула, это Старик, выйдите на связь, – ожила рация...

– На приеме.

– Акула, у нас проблемы. Тот грузовик, рядом с вами – он рабочий или выведен из строя?

Капрал посмотрел на грузовик, на вид он выглядел неповрежденным.

– Старик, визуально он выглядит работоспособным.

– Акула, так проверьте это, черт побери! Если он работоспособен, заводите его и пусть кто-нибудь один подгонит его к перекрестку.

Капрал повернулся к Майлсу:

– Видишь – грузовик? Нашим друзьям он очень нравится. Сможешь угнать его?

– Наверное, да, сэр. Боковое окно можно разбить.

– Разбей. И двигай до перекрестка, там тебе покажут, что делать дальше.

Майлс пробежался до грузовика, недолго думая выбил прикладом окно сбоку, пролез в кабину. Через пару минут двигатель взревел, а сам Майлс высунулся и показал знак V – победа.

– Спунер, прикрой его отсюда! Целься по перекрестку.

– Есть.

Под прикрытием пулемета Майлс доехал до перекрестка, там постоял, потом, очевидно повинувшись какому-то сигналу, который морские пехотинцы не видели, начал сворачивать. Стрельба почти стихла, вместо очередей теперь глухо стучали одиночные.

Потом снова появился Майлс, он бежал бегом.

– Что там, рядовой?

– Ничего, сэр. Один из этих взял у меня машину и отправил меня обратно. Довольный, как черт, лыбится...

– Ладно, держим ушки на макушке...

Им пришлось ждать еще минут десять, пока снова не заговорила рация.

– Старик – Акуле.

– На связи.

– Мы закончили. Выдвигайтесь вперед, по команде – стоп.

– Вас понял...

«Бентли» тронулся с места, покотился по улице, потом начал поворачивать. Нервы у морпехов были на пределе.

– Стоп.

«Бентли» остановился. От стоянки, которая была по левую руку от них, появился человек с «АК», он бежал к ним, и Гуди вскинул винтовку.

– Отбой, это свои! Не стрелять!

Это и в самом деле был один из цэрэушников, он подбежал ближе, и только тогда у него возникла мысль помахать рукой, чтобы опознать себя. Капрал опустил стекло. Цэрэушник и в самом деле был возбужден и чем-то доволен.

– Видишь нашу машину, парень?

– Это «БМВ», сэр?

– Ее самую. Выходи и обстреляй ее. И другие пусть так же сделают.

Морские пехотинцы ничего не поняли – однако вышли из машины, обстреляли «БМВ». Шины лопнули, изорванные пулями, стекла вылетели, она осела на ступицы и задымилась.

– Отлично! – Сам цэрэушник не стрелял. – Теперь ваша задача пострелять куда-нибудь минут пять...

– Куда-нибудь, сэр?

– Ну да... – цэрэушник начал злиться. – Все морпехи такие тупые? Просто постреляй по зданиям, куда-то туда. Что-то типа прикрывающего огня, понял. Появится машина – не стреляй. Потом, как машина уедет, – продвигайся вперед и занимай оборону у здания. Мы здесь вывели из строя все, что только можно, заглушили каналы связи – но рано или поздно здесь все равно появятся местные. Ты знаешь, что им говорить?

– Мы патрулировали местность, – ответил капрал, – услышали звуки стрельбы, свернули посмотреть. Увидели парней с «АК», начали стрелять по ним и по их машинам. Они решили, что с них достаточно, и свалили. А мы остались охранять это место.

Цэрэушник хлопнул капрала по плечу:

– Беру свои слова назад насчет морских пехотинцев. Ты чертовски умный парень. Скажешь именно это. И еще...

Цэрэушник заговорщически понизил голос:

– Я тебя запомнил, парень. Сделаешь все как надо – сможешь перейти в тактическую группу. Там и задачи поинтереснее, и жалованье не сравнить, ну и...

Цэрэушник оборвал себя на полуслове, видимо, чуть не сказал то, что постороннему человеку говорить не следовало.

– Давай, парень. Выполняй приказ. Семпер фи, как говорится...

Капрал посмотрел на своих людей – а они посмотрели на него.

– Так, парни. Мне это нравится не больше, чем вам, но приказ есть приказ и его никто не отменял. Огонь на прикрытие и... смотрите, куда стреляете...

Когда проехал грузовик – тот самый, что они пригнали им, – они двинулись вперед. Двинулись осторожно, прикрывая друг друга. Здание, которое, по-видимому, и было целью атаки, – горело, дым вырывался из многих окон. На стоянке дымились и горели изрешеченные пулями дорогие машины. Трупы были везде – на стоянке, на ступенях, – везде. В глубине стоянки горел «Хаммер», что-то трещало, взрывалось – и огонь рвался к небесам.

Бригадный генерал Лоддер сидел в десантном кресле в одном из самолетов С5, стоящих в аэропорту Кинг Халид, и держал на коленях компьютерный терминал. Компьютерный терминал был подключен проводом к другому терминалу, который принимал, расшифровывал и обрабатывал информацию. В десантном отсеке С5 были установлены несколько контейнеров, в которых были суперкомпьютер и восемь рабочих мест для операторов. И оборудование и операторы принадлежали не ЦРУ, а Агентству национальной безопасности.

Генерал молча смотрел на экран и ждал.

Маленькая рация, поставленная на вибросигнал, завибрировала у него на плече, генерал подключил ее, мельком отметив абонента – это был старший офицер криптоаналитической группы, которая сейчас билась над кодом доступа к привезенным из штаб-квартиры АРАМКО жестким дискам. Эти жесткие диски допускали «горячую замену», то есть их можно было быстро и без повреждений достать из сервера и переместить в другое место. Что и сделала группа специалистов ЦРУ при поддержке морских пехотинцев США.

– Сэр, это Бейтс. Мы добились успеха.

– Переключайте на меня! – приказал генерал.

Многие люди воспринимают генералов как людей туповатых, грубоватых, без адъютанта неспособных даже вытереть задницу после похода в сортир. Может быть, для кого-то это и справедливо – но только не для генерала Лоддера. Магистр по международной экономике, один из признанных в ученом мире специалистов по «теории игр» генерал Лоддер был именно

тем человеком, который должен был сидеть в этом самолете и разбираться с тем, что привезли из АРАМКО.

Подключившись через кабель к главному терминалу, который сейчас работал с захваченными данными, генерал сначала бегло просмотрел наиболее интересующие его места во внутренней отчетности, мельком отметив, что даже по сравнению с запущенной отчетностью Пентагона здесь – болото. Потом он начал искать самое главное, Святой Грааль саудовской политики последних лет. Он знал, что он хочет найти, и опасался найти именно это.

И нашел. Все оказалось даже хуже, чем он мог предполагать. Эти ублюдки в чалмах даже не потрудились как следует спрятать данные.

Встав и спихнув с колен терминал, бригадный генерал нервно прошелся по десантному отсеку самолета. Хотелось закурить, очень хотелось... но он бросил, не потому что так порекомендовал врач, а просто бросил, потому что курение не доводит до добра. Можно спуститься по аппарели и попросить сигарету у одного из морских пехотинцев, прикрывающих самолет, – но он знал, что этого не сделает. Приняв решение, надо держаться его до конца.

И он его принял.

Достал рацию, настроил на частоту.

– Говорит генерал Лоддер. Сделайте резервную копию массивов информации В и С и немедленно начинайте передачу.

– Есть, сэр.

– Экипажу готовиться к взлету. Немедленно.

– Так точно, сэр.

Все? Нет, еще одно. Даже если саудиты пойдут на крайние меры – он должен сообщить.

Генерал прошел в модуль, который был опечатан, сорвал печати. Это был его модуль, модуль, который потребуется ему только для одного сеанса связи, не более. Но этот сеанс связи... хоть о нем никто и не узнает, именно он определит мировую повестку дня на ближайшие десять лет. А может – и на все столетие.

Генерал надел наушники, включил терминал связи. Для связи использовались спутники сети Iridium, терминалы на обоих концах связи были куплены без указания владельцев и должны были использоваться впервые.

Бригадный генерал набрал номер абонента, включил запись.

– Абонент один-зеро-зеро-три-пять-пять-девять-два, проверьте.

– Принято, – почти мгновенно отозвался терминал, – абонент идентифицирован, код зеленый.

– Прошу доступа, канал Флэшлайт. Код Грин.

Канал Флэшлайт, или «маяк» – обозначал доступ к президенту лично.

Бригадный генерал представил, как два человека в неприметных темных костюмах несут терминал связи – подключать через какие-то каналы запрещалось – в одну из комнат Белого дома. Разница между Вашингтоном и Эр-Риядом одиннадцать часов, то есть если здесь скоро утро – то там наступает вечер. ROTUS, скорее всего, находится в Президентском зале чрезвычайных операций, это подземная, хорошо защищенная комната Белого дома для руководства в чрезвычайной ситуации. Новый (хотя какой к чертям новый) Президент любил туда спускаться в таких ситуациях, кажется, он до сих пор не верил в то, что он – Президент Соединенных Штатов Америки. Наверное, он нервничает, ему не сидится на месте. Черт... Буш-младший почти никогда там не бывал, в этой комнате, просто не считал нужным... что бы про него ни говорили, а некоей спокойной уверенности в нем было много, и она передавалась другим. Вот терминал связи вносят в подземный зал, и все замирают и смотрят президента – а он ничего не может, он может только сидеть и слушать его. Бригадного генерала Эрика Лоддера.

Щелчок соединения.

– Генерал, – Президент вышел с ним на связь напрямую, никаких «подождите, сэр, сейчас с вами будет разговаривать Президент». Не тот уровень разговора, не тот уровень секретности.

– Сэр.

– Надеюсь, у вас хорошие новости для нас, генерал. Мне нечасто в последнее время приходится слышать хорошие новости.

– Не могу вас порадовать, сэр. Сто десять.

Кристалльно чистый эфир донес судорожный вдох, раздавшийся за несколько тысяч километров отсюда в городе, который многие считали столицей мира. Дураки.

– И это все? – спросил Президент.

– Да, сэр, – безжалостно подтвердил бригадный генерал, – это все. Больше ничего нет. Кубышка полупуста.

Какое-то время Президент молчал.

– Вероятно, вы ошибаетесь... – неуверенно сказал он. – Да, ошибаетесь. Этого не может быть.

– Сэр, я видел документы. Этим людям грош цена в базарный день.

Эфир снова затих, послышались какие-то звуки. Генерал вдруг понял, что Президент судорожно глотает воду из стакана.

Господи, неужели это достойнейший из всех?! Как мы могли избрать такого слабака?!

– Кто об этом знает? – наконец справился с собой президент. – Сколько человек об этом знают?

– Я и восемь операторов АНБ. Вы десятый, сэр.

– Десятый... – Президент нервно усмехнулся, он уже овладел собой и сейчас был в одной из своих излюбленных масок: нервное веселье, шутки и скомканная бумага в кулаке, – надеюсь, вы не будете использовать это при игре на бирже?

– Я буду осторожен, сэр... – невозмутимо ответил бригадный генерал.

– Хорошо... Нам всем нужно быть осторожнее. Вы знаете, что делать?

– Да, сэр. Эвакуация будет проведена по плану.

– Очень хорошо...

– Я жду приказа на продолжение операции, – напомнил бригадный генерал главе государства.

– Ах да, – Президент на мгновение задумался, – я даю вам санкцию на продолжение. Действуйте по первоначальному плану.

– Вас понял, сэр.

Щелчок – линия рассоединилась. Президент не пожелал им удачи... хотя какая, к чертям, удача...

Генерал вспомнил одного из своих профессоров, у которых он учился экономике. Старый хитрец любил устраивать «вольные семинары» – высказывал подчас парадоксальное суждение, потом устраивал открытое обсуждение. Один из семинаров был на тему: кто от кого зависит, должник от кредитора или кредитор от должника. Студенты после двухчасового обсуждения пришли к поистине парадоксальному, но все чаще и чаще подтверждаемому реальностью выводу – не должник зависит от кредитора, а кредитор – от должника.

Соединенные Штаты Америки всем должны – и весь мир зависит от них. Но парадокс заключается в том, что они сами – на крючке у этого лживого, коварного, затраханного королевства в песках.

Генерал вышел из своего модуля и заново его опечатал, используя зажигалку и собственный перстень. Потом, пройдя по узкому проходу между принайтовленными к десантному отсеку контейнерами, поднялся в пилотскую кабину.

– Генерал на борту! – крикнул штурман, первым увидевший генерала.

– Вольно, господа. Вольно. Самолет к полету готов?

- Все системы стабильны, сэр, двигатели запущены, может начинать рулежку.
- Тогда слушай мою команду. Приказываю после взлета немедленно подать сигнал Грин.
- Сэр, это же сигнал чрезвычайной ситуации, – сказал первый пилот.
- Ситуация и есть чрезвычайная. После подачи сигнала – приказываю взять курс на базу

Баллад, в Ираке. После сигнала соблюдать радиомолчание, на запросы с земли отвечать, что у вас неисправность на борту, как поняли?

Собственно говоря, особой новостью для пилотов все это не явилось. Их самолет был заявлен в самый последний момент, контейнеры грузили ночью. Самое главное – был отключен радиомаяк, позволяющий наземным службам автоматически распознавать самолет. ЦРУ или что похуже... к гадалке не ходи.

- Так точно, сэр, – ответил за всех командир, – приказ поняли.
- Тогда желаю удачи. Начинайте рулежку немедленно...

С этими агентами ЦРУ капралу еще довелось увидеться во время операции – видимо, командование решило прикрепить их к ЦРУ на постоянной основе в качестве «обеспечивающих». Так, операция шла довольно успешно, хоть и не без крови – но, по крайней мере, журналисты не совали всюду свои носы, а местные власти относились к каждой просьбе американцев с пониманием и старались максимально быстро ее выполнить.

И вот, как-то раз, когда сотрудники ЦРУ оказались в соседней палатке, да еще подвыпившие – в ЦРУ с дисциплиной было хреново, – капрал нечаянно подслушал разговор, который был явно не для его ушей, как раз про то, что они сделали в D-day, день высадки. И кое-что понял...

США, штат Аризона
US AFB Davis Mountain
USAF Pararescue team – 563
Тренировочные полеты...
01 июня 2014 года

Аризона – штат просто удивительный, таких совсем немного. На юге штата – голая пустыня, полигон Юма Прувинг Граунд, один из крупнейших для отработки бомбометания. Есть на юге и орошаемое земледелие – кукурузу выращивают. Правда, в последнее время фермеров все меньше и меньше становится, и дело тут не в том, что невыгодно – наоборот, очень выгодно, те, кто сажает кукурузу на спирт, – в золоте купаются, потому что E85, самое распространенное топливо в Штатах – это на восемьдесят пять процентов бензин, а на оставшиеся пятнадцать – чистый спирт. Ради этого спирта сажают кукурузу, пшеницу особых сортов, перегоняют на спирт древесину. Вот только беда в том, что поля эти принадлежат теперь банкам и инвестиционным фондам, а работают на них наемные рабочие, в основном мексиканские нелегалы. Мало стало независимых фермеров, да и вообще – в Америке почти не стало свободных, независимых людей. Ведь кредит в банке, взятый на приобретение дома, – это и есть не что иное, как кандалы, правда, не железные, а долговые. Но кому от этого легче?

На севере – зона Большого каньона, голые, почти бесплодные земли, сушь и жара, много туристов.

Сейчас над штатом Аризона, да и над всей Америкой распростерлась ночь. Ночь, скрывающая все – бедность и богатство, чистоту и грязь, добро и зло. Ночь всех уравнивает, в темноте все кошки серы. В темноте не было видно, что восьмая дорога, длинная бетонная змея, протянувшаяся через весь штат – обветшала и требует ремонта, который не на что делать, потому что страна воюет. Не было видно некоего Бенитеса, который опасно оглядываясь, перегружал вместе с дружкой мешки из внедорожника в крытый фургон. Мешки только что прибыли, их переправили через границу, и теперь их надо было доставить в Нью-Йорк, что и согласился сделать Бенитес за девять тысяч американских долларов. Не было видно и шести транспортно-ударных вертолетов AN-60 Alpha-5, зависших всего в нескольких десятках метров от дорожного полотна.

Ударные вертолеты AN-60 Alpha-5 появились в американской армии всего три года назад, хотя фирма Сикорского производила их уже более двадцати лет на экспорт. Первыми такую машину заказала армия и специальные силы Колумбии – жестокая повстанческая война в горах диктовала свои законы. Нужен был вертолет, который мог не только высадить десант, но и капитально зачистить площадку. Поэтому и появился вертолет с неофициальным названием Raging Hawk⁷ – наверное, самый тяжеловооруженный вертолет в мире после «АН-47»⁸, применявшегося еще во Вьетнаме. Вооружение в версии Alpha-4 – тридцатимиллиметровая пушка под фюзеляжем, два пулемета GAU-8 калибра 12,7 на крыльях и еще два Минигана на своих стандартных местах. Затем Израиль заказал новый боевой вертолет, его сделали на основе Alpha-4, только пулеметы GAU-8 заменили на восемь противотанковых ракет, а Миниганы убрали вовсе. В таком же варианте, только без ракет, пошел в серию Euro Hawk, запущен-

---

⁷ Разъяренный ястреб.

⁸ Штурмовой вертолет, созданный на базе... СН47 Боинг, того самого неуклюжего летающего вагона. Вооружение – шесть пулеметов калибра 12,7, две подвески для ракет Зуни и автоматический гранатомет калибра 40 миллиметров. В связи с высокой уязвимостью в серию так и не пошел.

ный в производство в Польше на заводе Свидник. В то же время американская армия упорно не желала закупать вертолеты с тридцатимиллиметровой пушкой под фюзеляжем, предпочитая жестко разделять функции вертолета-штурмовика и транспортного вертолета. И только Афганистан расставил все на свои места. Американский спецназ использовал вертолеты «Ми-24», принадлежащие Польше и Чехии, а чехи так и вовсе забрасывали и эвакуировали свой спецназ, группу 601, только вертолетами «Ми-24». Этот вертолет, запущенный в производство в Советском Союзе еще в семидесятые, по уровню бронирования и боевой живучести до сих пор превосходил «Апач», мог использовать противотанковые управляемые ракеты, неуправляемые реактивные снаряды, ракеты «воздух – воздух», на нем была тридцатимиллиметровая пушка, прошибающая стены домов – и при этом в нем была грузовая кабина, позволяющая перевозить восемь-десять бойцов. В итоге в десятом году был объявлен тендер на создание «американского Ми-24». Победила в нем фирма Сикорского, у нее он уже был, а вот другим пришлось бы его разрабатывать. В итоге тендер свернули, а на вооружение специальных авиационных подразделений США, в частности сто шестидесятого полка специальной авиации и спасательных команд ВВС, приняли АН-60, вертолет с вооружением АН-64 Apache (только противотанковых ракет было восемь, а не шестнадцать), и в то же время способный перевозить десять десантников, поддерживая их огнем при высадке. Дополнительное бронирование керамическими плитами позволяло этому вертолету активно действовать в таких смертельно опасных местах, как Кандагар. Сейчас на вертолетах были дополнительные баки, в кабине каждого было по восемь бойцов спецназа ВВС, и им предстояло сейчас в самом деле прорвать границу. Официально это проходило как совместные американо-мексиканские учения.

На данный момент вертолеты сожгли уже двадцать процентов от имеющегося в их баках топлива и продолжали жечь его еще больше, потому что висение, да еще висение на такой небольшой высоте над землей – не самый оптимальный режим работы вертолета. Но двигаться вперед было нельзя – не были подавлены позиции ПВО, выстроенные мексиканцами в пустыне по всему пути следования. Как только они будут подавлены – можно будет двигаться дальше.

В этот же момент на высоте сорок шесть тысяч футов над землей, намного выше облачного покрова, скрывающего от них землю, подвешенные лунными лучами над серебристой, безмолвной равниной висели два огромных черных ската. Размах крыльев каждого из них превышал пятьдесят метров, каждый весил больше ста пятидесяти тонн и нес по двенадцать тонн боевой нагрузки, состоящей из управляемых ракет типа JSOW и бомб типа JDAM. Каждый из них имел боевой номер и название в честь какого-либо штата США – первый имел номер 82-1068 Spirit of New York, второй – номер 82-1071 Spirit of Missouri. В реальном бою каждый из них должна будет прикрывать восьмерка истребителей F16 ВВС Польши, находящихся на некотором удалении, но готовых вступить в бой – но сейчас небо было пусто, темно, и скаты висели в темноте одни, одинокие и страшные.

Этих самолетов было двадцать, каждый на момент их создания стоил миллиард долларов, а с учетом расходов на разработку – два миллиарда долларов. Если бы эту программу возобновили, то цена теперь была бы как минимум пять миллиардов за машину. Это были еще птицы времен холодной войны, их было сто сорок, и они должны были проникать сквозь самую насыщенную и опасную систему ПВО в мире – через противовоздушную оборону Советского Союза. Но Советский Союз распался, их ПВО, как теперь поговаривали, можно было проткнуть и пальцем, машин этих сделали всего двадцать одну и заморозили программу. Старик Б-52, находящийся в строю шестьдесят лет, выполнял ту же самую работу и за меньшие деньги – ведь сейчас работа состояла в том, чтобы просто доставить куда надо как можно больше бомб и ракет за меньшую плату. Б-52 проходили модернизацию за модернизацией, их преемника Б1 почти что сняли с вооружения, но оставили на всякий случай тридцать шесть штук, про Б2 вообще не говорили. Не было сейчас у Америки достойных противников и потому в

конкурсе на перспективный разведывательно-ударный самолет победил... Боинг-777! Да, да... Первым флот закупил E-8 Poseidon, разведывательно-ударный морской самолет, переоборудованный Боинг-767, способный нести противокорабельные и крылатые ракеты на внешней подвеске, а также торпеды. Армия предпочла более крупный B-777, три семерки, самый крупный из двухдвигательных самолетов⁹. Он мог нести до двадцати тонн бомб и ракет в неядерном исполнении на внутренней и внешней подвеске, обеспечивать связь для находящихся внизу войск, служа ретранслятором, и вести разведку наподобие J-Star, передавая данные в реальном режиме времени сразу конечным их потребителям. При этом эксплуатация этого самолета, по сути гражданского, с гражданскими же запчастями, обходилась армии чуть ли не на порядок дешевле эксплуатации обычного бомбардировщика.

Ну а то, что этого неуклюжего тихоню мог догнать и сбить любой истребитель... Как дальновидно сказал бывший министр обороны Гейтс – а сколько истребителей у Аль-Каиды¹⁰?

Подполковник ВВС США, 509-е бомбардировочное крыло, Джей Гудман с базы AFB Whiteman штат Миссури, один из немногих специалистов самого высочайшего класса в вопросах прорыва насыщенной средствами ПВО обороны и нанесения ударов высокоточным оружием, был с этим категорически не согласен.

Как профессионал, подполковник смотрел на то, что происходит в ВВС. Уходили профессионалы, последние профессионалы из тех, которые летали по самому краю, сопровождаемые перехватчиками Сухого и видя засветки от советских радаров на экране, – подполковника один раз вели разом с одиннадцати точек, это был самый настоящий частокол. Сейчас ВВС громили в пользу ракет, установленных на подводных лодках, а тяжелобомбардировочную авиацию громили в пользу тактической. Почему-то в девяностые сложилось такое впечатление, что бомбардировщики никому не нужны, и ту работу, которую выполняет один тяжелый бомбардировщик, может выполнить звено тактических истребителей-бомбардировщиков, получая поддержку от воздушных танкеров на всем пути до цели.

А если не получится? А если не будет этих проклятых танкеров? А если полыхнет на Востоке – на всем Востоке, и там просто не будет баз поддержки? А если воевать с Саудовской Аравией, у которой есть истребители Silent Hawk? А если – в самом страшном сне не привидится – с Китаем? Тактический истребитель-бомбардировщик, он и есть тактический истребитель-бомбардировщик, летчики в тактических крыльях, нанося удары по Аль-Каиде, декалифицировались, учения с прорывом настоящей, серьезной ПВО не проводились уже давно. Только тяжелый бомбардировщик с дальностью полета несколько тысяч миль без дозаправки, с высококвалифицированным экипажем, натасканным на противодействие самым опасным системам ПВО, – это инструмент действительно глобального господства. Только такая машина способна нанести удар в любой точке земного шара через несколько часов после принятия решения – подводной лодке с крылатками до стартовой позиции придется чапать несколько дней, хорошо, если окажется рядом, – а если нет? Тот же B-52 можно было дешево модифицировать, поставив четыре двигателя от семьсот сорок седьмого и модернизировав авионику, – и получить на выходе отличный бомбардировщик, который еще лет двадцать прослужит. Нет, вместо этого закупили как бомбардировщик переделанный гражданский самолет с двумя (!!!) моторами. Интересно – те, кто принимал решение, они хоть раз участвовали хотя бы в учеб-

---

⁹ **Посейдон** – реальный самолет, второй из описанных – нет, но автор считает, что эксплуатация Посейдона и экономия бюджета одновременно с развитием высоких технологий заставят американцев принять на вооружение машину, подобную описанной.

¹⁰ Он и в самом деле это сказал. Воюя с талибами, армия США становится не сильнее, а слабее, поскольку все ее вооружение все больше затрачивается на борьбу со слабым противником. Взять хотя бы assault breaches vehicle – саперная штурмовая машина, семьдесят две тонны, вооружение – один пулемет. Когда талибы их подбивают – их нечем эвакуировать, и машины уничтожаются экипажами.

ном воздушном бою? Вероятно нет, иначе бы не сделали такой глупости. У власти в ВВС кто попало – то бывшие извозчики, то истребители...

В конечном итоге дошли до абсурда. Сначала тактическая авиация раздавила стратегическую. Теперь тактическую авиацию давят беспилотники и легкие самолеты поддержки – бывшие самолеты для опрыскивания полей, с бронированной кабиной и подвесками для бомб, вот таково теперь лицо USAF.

А вот когда прихватит – воевать будет некому. И нечем. Что китайцы, что русские – в случае чего спуску не дадут.

Подполковник взлетел на своем Духе Миссури с базы в Уайтмэн, штат Миссури, два часа назад, и сейчас два призрака лениво ходили восьмерками над территориями штатов Техас и Аризона, ожидая сигнала. Он знал, какую задачу ему предстоит выполнить – и был, черт возьми, более чем доволен своей новой миссией. Разбомбить русских, подавить ПВО и аэродромы военно-воздушных сил целого региона. Черт, не для этого ли они строили эту машину, не для этого ли они тренировались днем и ночью, готовясь к самой главной схватке в своей жизни? Может быть, когда их птицы исполнять такую миссию, дадут русским солидного пинка под зад, – может быть, тогда в штабе ВВС вспомнят и о парнях на бомбовозах, которые, между прочим, выиграли Вторую мировую войну¹¹.

Но все это будет потом, сейчас нельзя об этом думать – сейчас нужно готовиться к настоящему делу. К границе вывели две батареи RAC-3 Patriot, они должны были их обнаружить и – условно – уничтожить. Русские зенитные установки – пусть и условно, американскую войсковую ПВО нельзя сравнить с русской, так, слезы – имитировали несколько ЗРАК Авенджер¹², они обязаны были двигаться, чтобы затруднить атакующим задачу. Для имитации боя использовались учебные боеприпасы, лазерные системы имитации и офицеры-посредники.

Единственно, где нет сейчас посредника, – это кабина В-2, здесь он просто не поместится. – Джо, что на радаре? – бросил подполковник, чуть отклоняя штурвал.

У В-2 был уникальный радар APQ-181 пассивного типа, такие радары, не дающие демаскирующего излучения, больше нигде не использовались.

– «Патриоты» выстроились на полигоне, придурки. Шпарят локатором строго на север, но нас не видят. Иногда включают режим прицеливания. Я бы оставался в этом секторе, не выходил им под луч. И снизил скорость.

Подполковник посмотрел на индикатор расхода топлива.

– Черт, что они возятся. Еще полчаса – и нам придется брать тайм-аут на дозаправку...

– Выдержим.

– Я не собираюсь совершать экстренную посадку в Мексике. Слишком много чести для этих ублюдков...

Подполковник сказал – и пожалел о сказанном. Тотчас же. В армии США огнем и мечом насаждалась политкорректность. Самое страшное было – что-то сказать о человеке другой национальности или расовой принадлежности, за это можно было запросто угодить под трибунал.

---

¹¹ Утверждение спорное. Но основания спорить у американцев есть. В сорок первом году генерал ВВС США Карл Спраат предложил избрать приоритетными целями для бомбовых ударов заводы для производства искусственного топлива и некоторых критически важных деталей, таких, как шарикоподшипники. Вероятно, это было одно из самых важных решений за всю историю той войны – моделирование показало, что, если бы у немцев был хотя бы один подземный крупный завод по производству искусственного бензина – война могла затянуться до 1946-го и даже до 1947 года. Надо помнить, что до начала серьезных бомбардировочных рейдов на Германию война для немцев на Восточном фронте складывалась не в пример удачнее, чем потом.

¹² У американцев и в самом деле нет войсковой ПВО, колонны на марше прикрыты очень плохо. Единственное, что у них есть, – ЗРАК Авенджер на шасси Хаммера. Восемь ракет «Стингер» и пулемет. Попытка создать мобильный ЗРК на шасси Страйкера ничем хорошим не закончилась, старый «Сержант Йорк» списан. Есть еще «Вулканы» на шасси M113, но они шестидесятих годов выпуска, и их мало. ADATS – это не совсем ЗРК, и их мало. В понимании американцев, лучшая система ПВО – это ВВС США.

– Управление-один – Бегунам, как вы там, прием...

Управление-один – так назывался самолет ДРЛОУ (дальняя радиолокационная разведка и управление) ЕЗ, описывающий большие круги где-то над северным Техасом.

– Бегун-один, мы здесь в полном порядке. Ждем команды поймать кое-кого, прием... – ответил подполковник.

– Легче, Бегун. Время пришло. Объявляю пятиминутный отсчет, всем перейти в режим радиомолчания, связь только на прием. Бегун, вы идете первым, условные цели уничтожить, как понял, прием.

– Понял, пятиминутный отсчет и в бой. Спасибо, Управление-один.

– Не за что, Бегуны. Удачи вам!

– К черту... – Подполковник был уже собран и сосредоточен, как всегда перед прорывом. – Джо, у нас пять минут. Запускай самотестирование систем, готовь самолет к прорыву. Время идет.

– Вот это дело...

Подполковник отработал штурвалом, совершая широкую дугу, чтобы примерно через четыре минуты тридцать секунд, плюс-минус, выйти на боевой курс. Он решил прорываться к целям с северной стороны, со стороны Южной Калифорнии, и после удара, не делая резких маневров, уйти в сторону Мексиканского залива, а там вызвать заправщик с Майами.

На пятой минуте, когда было завершено самотестирование всех систем – оба самолета легли на боевой курс. Система перешла в режим полного радиомолчания и отключила любую «фонящую» аппаратуру. Прокладка курса самолета теперь велась в пассивном режиме – он не пользовался локатором, а шел по карте, забитой в память компьютера, при этом постоянно считая и корректируя свой курс от последней известной точки. Двигатели перешли в максимально экономичный режим работы, частично закрыв заслонки и воздухоприемники, все управляющие плоскости самолета прижались к крыльям, чтобы давать возможно меньшую засветку. Трудно поверить – но машина с размахом крыла пятьдесят два метра в таком состоянии на экране радара выглядела как объект размером... одна десятая квадратного метра! Как большая птица.

– «Ястребы» с первого по шестой – вперед!

Простая команда, отданная с самолета управления, сорвала винтокрылые машины вперед, но перед тем, как ее отдали – много что произошло.

Стратегические бомбардировщики «Дух Нью-Йорка» и «Дух Миссури» пересекли границу, при этом их так и не обнаружили системы ПВО, ни стратегические, ни тактические. Они ими тоже не занимались – это должны были сделать другие люди. Примерно в ста пятидесяти милях от границы бомбардировщики «подставились» – когда открывается бомболюк, радиолокационная отметка от машины увеличивается на порядок, но это уже неважно, бомбы-то сброшены. В течение нескольких десятков секунд из бомболюков бомбардировщиков вывалились по двенадцать тонн планирующих бомб и ракет, разлетевшихся на триста шестьдесят пять градусов – новые системы управления высокоточным оружием это позволяли. Несколько ракет ударили в источники излучения, установленные в безлюдных местах и имитирующие позиции ПВО – при этом для усложнения задачи излучение включалось только на несколько секунд, потому что именно так ведет себя опытный офицер ПВО, не желающий стать жертвой ПРР – противорадиолокационной ракеты. Несмотря на то, что был предусмотрен полуторный запас ракет, две позиции ПВО ракеты так и не сумели поразить, это означало возможную потерю одного или двух вертолетов на маршруте и десять процентов риска для бомбардировщиков. Вертолеты – это еще ничего, а вот для бомбардировщиков, стоимостью миллиард долларов за штуку, – это уже неприемлемый риск. Впрочем, на то и учения, чтобы выявлять возможные

риски и вносить изменения в план, – эти стрельбы, например, показали, что нужно радикально менять конфигурацию и боевую загрузку крыла для подавления ПВО противника.

Планирующие бомбы упали точно в отмеченных местах и не взорвались, потому что это были бетонные болванки. В реальности они бы уничтожили ВПП аэродрома Мигалово, опорный аэродром для ВВС России на этом направлении, аэродромы в Миллерово, Зернограде, Ейске, Крымске, выведя из строя девятнадцатый и тридцать первый гвардейские истребительные полки, пятьсот шестьдесят второй истребительный полк, а также семьсот двадцать шестой учебный центр ПВО – смертельно опасный объект, потому что там был опытный инструкторский состав и несколько самолетов Су-50.

При этом условиями задания не предусматривался вывод из строя техники и летного состава – планировалось уничтожить только центры управления и ВПП. Нужно было два часа времени, не больше, чтобы не дать русским поднять истребители, пока спецназ ВВС не сделает свое дело. Дальше, в случае, если этого времени окажется недостаточно – должен был быть нанесен повторный удар по этим объектам уже беспилотными летательными аппаратами MQ-9, а в критической ситуации – и силами ВВС Польши.

Тем не менее и эти результаты не были признаны удовлетворительными – по меркам экспертов, вероятность того, что русские в течение двух часов не смогут поднять в воздух ни один самолет на этом направлении, была около семидесяти процентов. Поэтому, по результатам учений, в состав ударной группы были включены еще два стратегических бомбардировщика B2 Spirit.

А сейчас два бомбардировщика, выполнив поставленную перед ними задачу, ушли в сторону Мексиканского залива. Поднятые на перехват истребители F18 ВВС Мексики обнаружить их и выполнить учебный перехват не смогли.

Поднятые в воздух беспилотные летательные аппараты MQ-9 Reaper, вооруженные новейшими малогабаритными ракетами Viper Strike и кассетными боеприпасами CSS, смогли пробить оборону «пэтриотов» и «авенджеров». Они шли двумя волнами – шесть и двенадцать машин, первые из них были вооружены ракетами TOW и противорадиолокационными ракетами JASSM. Тем не менее из первой волны уцелела только одна машина, а из второй были сбиты три из двенадцати, что ослабило ударную группировку беспилотников, призванную контролировать всю Ростовскую область на период проведения операции. Потери, причиненные беспилотникам, были признаны критическими – вследствие чего было принято решение усилить группировку, занимающуюся подавлением ПВО, четырьмя самолетами EF 18 Growler, несущими системы РЭБ и специализирующимися на подавлении ПВО противорадиолокационными ракетами. Они должны были в последнюю минуту перелететь на аэродромы в Прибалтике и почти сразу же нанести удар, заправившись с воздушного заправщика над территорией Украины. Учитывая характеристики ударных систем этих самолетов, вход их в воздушное пространство России даже не планировался.

И вся эта воздушная мощь должна была обрушиться на Ростовскую область только ради одной цели – чтобы дать нескольким ударным вертолетам дойти до целей и вернуться обратно...

В это же время, в районе Ногалеса (это на американской стороне границы, хотя название населенного пункта чисто мексиканское), в холмах в районе Патагонии над землей висели, ожидая команды, три огромных (по вертолетным меркам) машины, каждая из которых была размером с С130. Но это были не сто тридцатые, с вьетнамских времен являющиеся основным воздушным транспортом для американских солдат. Это были новейшие конвертопланы MH-44¹³, только в прошлом году начавшие поступать в войска. Фюзеляж похож на «сто трид-

---

¹³ В нашем мире пока это Boeing QTR, реально прорабатываемая машина. Году к четырнадцатому – если денег у амери-

цатый» – только крыльев нет, вместо них длинные и широкие подкрылки, на конце которых – такие же поворотные моторы с большими винтами, как и на V-22 Osprey. В двух из них было по шестьдесят десантников восемьдесят второй воздушно-десантной дивизии – почти максимальная вместимость, для зачистки территории каждая такая машина несла по четыре пулемета типа Миниган и крупнокалиберный пулемет МЗ на откидывающейся хвостовой аппарели. Третий самолет был первым из произведенных АН-44 – вертолетный взлет и посадка, самолетная скорость, вооружение – гаубица сто пять миллиметров, автоматическая пушка Бушмастер-3 тридцать пять миллиметров и две пушки Вулкан. Это был тот же самый знаменитый Spooky AC-130, только способный действовать и как вертолет, и как самолет.

Эта группа должна была выйти ко второму известному месту расположения заложников – к Волгодонску. Сейчас она была в неполном составе – в реальности группа должна была быть смешанной, в нее должны были включить двадцать четыре – по отделению на каждом самолете – оператора GROM, специального подразделения польской армии, подготовленного по стандартам американской Дельты и русской Альфы. GROM в полном составе прошел и Ирак и Афганистан, а сейчас находился на территории Крэсов Восточных, где вел непрекращающуюся войну с русскими бандитами. Каждый из операторов имел подготовку и боевой опыт, ничем не уступающие любому из американских специальных подразделений, включая SEAL и 1SFOD Delta team. Включение операторов GROM в план операции было обусловлено чисто политическими причинами – еще не хватало, чтобы при штурме американские операторы убили кого-то из польских военнопленных. Скандал десятого года с британской заложницей, убитой при освобождении осколками американской гранаты, – помнился до сих пор. Поэтому американцы занимают и обеспечивают периметр, боевой конвертоплан зачищает особо опасные цели – прежде всего, стоило бояться охраны атомной электростанции, у них были новейшие БТР-82 и БТР-90, а польские спецназовцы ведут бой с русскими экстремистами, удерживающими польских военнопленных, американцы только поддерживают их снайперским и пулеметным огнем по необходимости. Если при освобождении погибнут польские заложники – а американцы считали, что в лучшем случае погибнут пятеро, в худшем – двенадцать из двадцати, – винить в этом надо будет только польских спецназовцев, но никак не американских.

Пока группа польского спецназа тренировалась в тренировочном центре полиции под Варшавой – им не раскрывали суть и смысл предстоящей операции, – роль польских оперативников выполняла штабная рота одного из полков дивизии, прошедшая подготовку по освобождению заложников. Для отработки опознания и взаимодействия на них были шевроны с польским красно-белым флагом и польские знаки различия.

Эта группа вышла одновременно с первой, даже чуть пораньше. На MV-44 была более совершенная аппаратура, чем на Оспри, штурман мог напрямую, а не через самолет ДРЛОУ получать информацию со спутников слежения. Поэтому – как только стало понятно, что коридор пробит и системы ПВО подавлены, – группа-два снялась с места, переводя двигатели из вертикального в горизонтальный полет. Конвертопланы пошли вперед, держась не выше ста футов от земли, и именно так они пересекли пограничную реку Рио-Гранде, взмыв на мгновение лишь над стеной, проклятой стеной, разделяющей теперь два берега одной реки и людей, живущих на этих берегах...

В качестве объекта для штурма первой группы был выбран завод в Хермосило. Здоровенная коробка, бывший автомобильный завод, обанкротившийся и заброшенный, там даже осталась часть оборудования для производства большегрузных пикапов, еще десятилетие назад

канцев хватит – она должна пойти в серию. P.S. Советские аналоги Оспри были, они назывались «Ми-30» и ничем не уступали американским. Но нашей власти они отчего-то оказались не нужны.

бывших очень популярными в США. Для того чтобы выйти на этот объект, вертолеты пошли не самым коротким путем – над морем, почти параллельно берегу залива Галф Калифорния, но не приближаясь к берегу.

Над морем же они дозаврались. В качестве дозавращика использовался МС-130 Combat Talon, боевой самолет, предназначенный для доставки сил спецназа на вражескую территорию и снабженный системами спутникового ориентирования и РЭБ получше, чем у многих истребителей. Сейчас в его брюхе был быстросъемный резервуар с авиационным топливом и два насоса, заправка производилась с нарушением всех мыслимых норм безопасности: не больше пятидесяти футов над поверхностью воды, вертолеты летели в струе воздуха, оставляемой большим самолетом, и их трясло и мотало в воздушном потоке так, что одно неверное движение пилота – и вертолет нырнул бы в воду. Вообще, было бы проще взлететь с десантного корабля-дока, расположенного где-нибудь в Тихом океане, в районе Байа Калифорния, пересечь Калифорнийский полуостров и почти сразу оказаться у Хермосило – но этот план по каким-то причинам отвергли...

– Зона высадки! Одна минута!

Под ними был город – как и все мексиканские города, большой и шумный, здесь была активная ночная жизнь. Слишком активная, когда они летели над пригородами – кто-то их заметил, и тонкая красная линия трассеров потянулась с земли к одному из вертолетов. Эта цепочка, распарывающая темное небо и пытающаяся нащупать их, пугала пилотов и десантников больше, чем то, что им предстоит. В нормальных ситуациях на таких вертолетах столько огневых средств, что попытавшегося их обстрелять потом даже для похорон не смогут собрать в единое целое. Но сейчас-то у них не было боекомплекта вообще! Только холостые и вездесущие лазерные имитаторы. У операторов – на всякий случай по две пистолетные обоймы в укладке, пистолеты применять запрещено, а то мало ли. А что, если у одного из вертолетов будут проблемы и ему придется совершить вынужденную посадку посреди города, из которого по ним стреляют?

– Эй, какого черта?! – заорал второй пилот, он же оператор вооружения, сидевший справа от пилота. – Вы это видели? Они боевыми стреляют.

– Управление-один, на связи Пират-главный. Подходим к цели, на подходе обстреляны боевыми патронами из пригорода, повторяю – обстреляны боевыми патронами из пригорода. Вопрос – наши дальнейшие действия.

– Пират, здесь Управление, вопрос – есть повреждения или потери?

– Управление, потерь и повреждений нет, мы на подходе к зоне высадки. Вопрос – какого черта здесь происходит?

– Пират, это Управление. Приказываю производить высадку по плану, в случае повторного обстрела боевыми – сообщить.

– Пират – принято!

Завод – прямоугольная бетонная коробка, затемненная, этакий монолит в ночи промзоны – рос на глазах.

– Пират-главный – всем Пиратам! Приступить к огневому налету по всем вооруженным людям – огонь без команды!

Вертолеты разделились, вставая в круг, одновременно заработали и пулеметы, и автоматические пушки. Здание обороняло от восьмидесяти до ста двадцати человек, точное количество обороняющихся по условиям учений не сообщалось. Вертолеты трясло и раскачивало в воздушных потоках, поднимающихся над городом, часть «террористов» оказалась на улице и даже на крыше здания. В течение последующих двух минут они все погибли. Выглядело это так: операторы бортовых пулеметов просто включили инфракрасные прожекторы, установленные на каждом пулемете, и били по всему, что шевелится. У операторов автоматических пушек все было еще проще – у каждого был джойстик с красной кнопкой и экран, на котором мест-

ность давалась в режиме термовидения, люди на экране как будто светились в темноте. Перекрестье прицела подводится к мечущейся, стреляющей по ним ослепительно-яркой фигурке, короткая очередь, чуть заметное содрогание корпуса вертолета – все, попадание. Это больше походило на компьютерную игру, нежели на бой.

– Пират-пять, Пирату-главному, у меня утечка в гидравлике, двигатель теряет мощность! Пока держусь.

– Принято, Пират пять. Всем Пиратам – начать высадку! – Пилот Пирата-главного примерно прикинул ситуацию. – После высадки освободить посадочную площадку для Пирата-пять, обозначить ее светом, как поняли.

– Вас понял, Пират-главный, начинаем высадку!

Все было почти как и в реальности, если не пострашнее – в реальности у тебя есть оружие, боевое оружие с боевыми патронами. Тут у тебя неизвестно что – а страна совсем недружественная, уж Джек М., полетавший над Мексиканским заливом, знал это как никто другой. Если те ублюдки, что сейчас внизу, решат их и в самом деле убить – с них станется.

– Травлю трос!

В отличие от десантного вертолета, спуск по которому производится с канатов, после спуска сбрасываемых на землю, – со спасательного вертолета спускаются по тросу лебедки, потому что спасатели должны не только покинуть вертолет, но и подняться потом на борт тем же самым способом, каким они его покинули.

Вертолет заскользил вниз.

– Пошел!

Самый сложный и самый опасный трюк – так называемая «лесенка», никто из десантников в жизни не сделает, да и пилота, допустившего такое, моментом отстранят от полетов. Суть ее в том, что парашютисты-спасатели начинают спускаться не тогда, когда вертолет завис над точкой сброса (и стал прекрасной мишенью), а тогда, когда он еще летит к ней, чтобы, когда вертолет зависнет, оказаться на земле немедленно. Сорваться – да запросто. Но зато десантирование в таком случае ускоряется вдвое, а десантник на веревке – все равно что жестяная утка в тире.

Джек М. шагнул за борт вторым, уцепился за стальной трос (попробуйте удержаться, тогда поймете). Несмотря на кевларовые перчатки – руки как онемели, оператор травил трос дальше, и они все дальше и дальше спускались к земле, в ревущую тьму. Над ними бил бортовой пулемет, гильзы с гильзоотвода сыпались совсем рядом, Джек помнил, как одна из них залетела к нему за шиворот... он тогда выл, держался на тросе и выл. Но держался.

Бетонная планида крыши заняла в очках ночного видения весь обзор – и Марио, висевший на тросе в самом низу, у самой корзины, – прыгнул, покатился по бетону, приводя в боевую готовность свой M249 SPW, очень уважаемое спасателями оружие. Первым всегда шел пулеметчик, он должен был прикрыть высадку, и в случае, когда не было ограничений по скрытности – первую ленту он обычно выпускал на подавление, пока спускались все остальные. Сейчас такого ограничения не было – Марио открыл огонь на подавление, трепещущее на стволе пламя и зеленые трассы в приборе ночного видения делали все это похожим на стрельбу из космического бластера.

Джек М. чуть расслабил онемевшие пальцы и соскользнул вниз, отцепившись от троса в точно рассчитанной точке и толкнувшись, чтобы не зацепиться ногами за спасательную корзину и не упасть. Упал на бетон, упал не так, как рассчитывал, тяжело, не сумел спружинить – но это уже неважно. Пальцы почти не слушались, он еле скинул кевларовые перчатки прямо на бетон, перехватил висящий на боку автомат, перевел его в боевое положение, залег. По ним не стреляли, все, кто был на крыше, были уничтожены и Марио почти прекратил огонь, только раз в две-три секунды пускал короткую, «прощупывающую» очередь.

– Начинаем движение! Разбиться на группы, задача – проникнуть в здание! Все вооруженные люди являются противниками!

Штурмовая четверка, в которую входили Джек М., бывший морской пехотинец Бро – его так и звали все Бро, потому что он был негром и любил слушать тюремный рэп, Ник, которого вообще-то звали Николай и у которого отец служил в Афганистане, а потом переехал в США, и Герхард, немец из Техаса¹⁴ подбежали к аварийному люку, ведущему на крышу, – таких на все здание было всего шесть, и сейчас за ними было еще две четверки, ждавшие их действий. Бро был вооружен тем же M249SPW, а вот у остальных были карабины Knights Armament SR-16 CQB с подствольными гранатометами M203 и глушителями. Спецназ ВВС уже перешел со старого патрона 5,56 на новый.300¹⁵, баллистикой схожий со старым добрым русским 7,62*39 от «АК». Еще у каждого должен был быть короткий дробовик, но в этот раз их использование запретили.

В том, что ведущая вниз дверь либо заминирована, либо под прицелом, – не стоило даже сомневаться. Не может быть, чтобы она не была под прицелом.

Джек М. огляделся и вдруг заметил огромные вентиляционные короба, выходящие прямо на крышу, короба эти были столь огромными, что через них без проблем мог пройти человек. Интересно – а луч лазерного имитатора может имитировать пробитие металла воздуховода или нет? Наверное, все же нет, это же луч.

Он показал на пальцах, что задумал, – и вторая четверка рванулась к стоящему рядом воздуховоду. Сейчас те, кто ждет их там, внизу, с пальцем на спусковом крючке – сильно удивятся...

Крышку люка подцепили на тросик, прилепили полоску «Блейда» в тех местах, где должен был быть замок, – Эй-стан отучал открывать двери руками. После чего по команде Джека М. один из спецназовцев ВВС швырнул в воздуховод светошумовую гранату, а через две секунды – рванул Блейд, чисто вырезав взрывом замок, Бро рванул за тросик, а Ник забросил в зев аварийного выхода еще одну светошумовую гранату.

Получилось вот что... чтобы это представить, возьмите воздуховод и постучите по нему кулаком. Чувствуете звук? Замкнутое пространство как бы резонирует и распространяет звук. А звук разрыва светошумовой гранаты примерно соответствует звуку разрыва гаубичного снаряда, и все это рвануло в замкнутом пространстве воздуховода. Джек М. был бы сильно удивлен, если бы кто-то в такой ситуации смог сохранять хладнокровие – а через секунду рванула еще одна, уже светошумовая граната...

Спецназовцы рванули вниз, это был длинный и большой коридор с металлическим полом, перекрытый чем-то вроде баррикады. За баррикадой были люди, но они были оглушены и ошеломлены – несколько коротких очередей покончили с ними. Вооружены они были изрядно, даже пулеметом.

– Разбиться на пары! Начать зачистку!

Времени разбираться нет – одна пара прикрывает коридор, остальные занимаются делом: если помещение – то вышибается дверь и внутрь летит светошумовая граната. Затем помещение быстро осматривается, террористы добиваются, заложники, если они там есть – освобождаются, пусть оглушенные и ослепленные. Бой в здании – это не совсем то, чему учат спецназовцев ВВС, но общий уровень тактической и стрелковой подготовки позволяет им выживать и в этом бою. У каждого из них по двенадцать цилиндров светошумовых гранат и только по одной осколочной – у задачи освобождения заложников свои правила боя.

---

¹⁴ В Техасе много немцев, названия немалого количества городов заканчиваются на «бург».

¹⁵ 300 BLK, в описываемое время уже.300 Remington, принятый на ограниченное снабжение ВВС США. Прекрасно подходит для стрельбы с глушителем.

Наскоро зачистив этаж, они вышли к лестнице – и поплатились при попытке спуститься вниз. Из коридора второго этажа заработал пулемет, сразу же убило Герхарда и еще одного парня. При подавлении пулемета – а его поддерживали два автоматчика – погиб еще один спецназовец ВВС.

Пробив оборону коридора, они вышли к главному конвейеру, потеряв еще одного бойца – и тут началась собачья свалка, то, чего при штурмовых действиях надо стараться избежать любой ценой. Четыре четверки, спустившись по тросам с крыши здания вниз, туда, где сопротивление уже было подавлено – подорвали в двух местах ворота и прорвались внутрь, сразу к главному конвейеру – но попали под огонь и понесли потери. В этот момент начался штурм и со второй стороны, со стороны коридора – но террористы знали это и подготовились к круговой обороне. Все это было похоже на какую-то безумную сцену из «Терминатора-2» – только завод тут был не работающим, потому что сейчас ни хрена ничего не работает. А в остальном все то же самое – бой на уничтожение посреди промышленных роботов, ограждений из сетки, каких-то проходов.

Завернув вдвоем с Ником за большую машину сварочного робота, они увидели двух людей, связанных и лежащих в какой-то технологической выемке. Эти люди были во всем черном, на головах у них были темные шапочки, раскатанные вниз – только без прорезей маски.

– Прикрой!

Ник залег прямо в проходе – чем меньше твой силуэт как мишень, тем лучше, Джек М. встал на колено около заложников, сдернул с одного из них шапочку.

– Ты кто?

– Морская пехота, мать твою. Развяжи мне руки, кажется, я обоссался, черт...

– Повернись.

Морской пехотинец, изображавший заложника, повернулся на бок – и Джек М. полоснул ножом по ленте белого пластика.

– Второго сам освободишь. Сиди пока здесь.

– Спасибо, парень... – морской пехотинец повернулся, и вдруг крикнул: – Сзади!

Это был технологический тупик, нормально развернуться тут было невозможно. Джек М. упал на бок, повернувшись так, чтобы видеть противника – черная маска, уже наведенный автомат. Стаккато очереди террориста и глухие хлопки выстрелов американского автомата раздалась одновременно.

– Парень, с тебя текила... – предупредил Марио один из «террористов», молодой, чисто выбритый и смуглый с G36, он уже снял маску и сейчас курил какую-то вонючую дрянь.

– С чего это? У нас обычно ставят проигравшие.

– У нас не так. Ты поставишь нам текилу – а мы угостим тебя виски. Идет?

– Идет, пошли...

Топая по стальным переходам, они пошли наверх, вперемешку террористы, заложники и спасатели ВВС, подбирая по пути убитых и вспоминая все перипетии произошедшего боя. В целом бой прошел неожиданно тяжело, Джек М. не ожидал такого, ведь он знал, что против них будет не армейский, а полицейский федеральный спецназ Мексики. Их ошибкой было то, что, планируя оборону здания (их не предупредили о том, что будет именно вертолетный десант), они поставили треть своих людей в оборону вне здания, а надо было оставить только парные сторожевые посты, и возможно даже – только на крыше. На крыше они разместили и два из четырех имевшихся у них пулеметов, а кроме того, у них было четыре тяжелых пикапа, вооруженных пулеметами. Если ждать наземной атаки – расстановка, может быть, и верная, но при воздушной они потеряли треть личного состава, так ничего и не противопоставив вертолетным пушкам и бортовым пулеметам. Если бы они сконцентрировались в здании, оставив на крыше наблюдателей, – спасателям бы изначально пришлось иметь дело как минимум с тремя

десятками дополнительных противников, и Джек М. не был уверен, что они справились бы с ними.

И все-таки мексиканские федералы удивили своими боевыми навыками, удивили.

– Тебя как звать?

– Хосе. А тебя?

– Джек. Где ты научился так стрелять?

Хосе невесело усмехнулся.

– На улице, где же еще? У меня с десяти лет ствол. Тут у нас перестрелки в городе каждый день, у бандитов есть даже броневики. Берут грузовик, обшивают его стальными листами, пара пулеметов в кузов – и готово.

– А как ты в полицию попал?

– У меня брата старшего убили Зетас. Кастрировали и отрезали руки. Он истек кровью у нас на пороге. Я теперь мщу.

– Извини... – Джек М., несмотря на то что участвовал в боевых действиях, такой жестокости представить не мог. Даже в Ираке максимум, что могли, – отрезать голову.

– Ничего... Я уже достаточно отомстил.

По лестнице они поднялись на крышу, там стоял вертолет, тот самый, у которого была утечка в гидравлике, ему обозначили посадочную площадку, кинув пару ХИСов, химических источников света. Ждали механиков, пилоты сидели в кабине, мексиканские полицейские из «убитых при штурме» осматривали вертолет, с любопытством рассматривали пушку, пулемет, подвесные с противотанковыми ракетами, цокали языками, громко и восхищенно комментировали.

– Внимание всему американскому военному персоналу! – закричал кто-то. – Всем, кто не убит, приказываю подойти к источнику света!

– Извини... – Джек хлопнул Хосе по плечу.

– Да ничего... Текила с тебя.

– Заметано. А с тебя – виски.

Спасатели собрались у офицера-посредника, который размахивал ХИСом, быстро посчитались. Задача была выполнена, заложники были освобождены – и им присудили заслуженную победу. Вот только из шестидесяти человек, начинавших штурм – в живых осталось тридцать восемь.

На второй зоне высадки в Сьюдад-Хуаресе все было еще хуже.

Эта зона представляла собой тренировочный полигон, выстроенный мексиканскими строителями под руководством американских военных инженеров, создающих тренировочные комплексы для тренировок ближнего боя в урбанистической местности. Комплекс был построен с явной «восточной» спецификой, но мексиканцы добавили много чего своего, для реализма. Хуже всего то, что основой защитников комплекса зданий, где проходили тренировки по урбанистическому ближнему бою – стал спецотряд мексиканской морской пехоты, прошедший переподготовку на этом полигоне и имеющий навыки городского боя и борьбы с терроризмом, но не забывший и общевоинскую подготовку. В обычное время этот отряд морской пехоты исполнял обязанности полицейского спецназа в городе Сьюдад-Хуарес, применяя на практике знания и навыки о городском бое, полученные здесь. Сьюдад-Хуарес был приграничным городом, там было полно наркотиков, беглецов от правосудия – и хуже всего, влияние в этом городе оспаривали Зетас и Синалоа. На стороне обоих воевали бывшие полицейские и военные, в том числе и те, кто прошел подготовку в США и на этом самом полигоне. Только за этот год мексиканские морские пехотинцы, обороняющие комплекс, в уличных боях потеряли убитыми троих своих товарищей, а оставшиеся учились выживать. Это как война – к ее концу в живых остаются наиболее подготовленные и опасные. Поэтому американским десантникам

из восемьдесят второй противостояли достойные соперники, даже более чем достойные – при планировании операции американские аналитики привычно недооценили боевые возможности своих партнеров, равно как и при подготовке реальной операции уже сейчас закладывалась серьезная недооценка боевой подготовки русских. Оценивать русских, сидя в теплом кресле на американской военной базе, – это одно, а вот делать то же самое в районе железнодорожного вокзала Луганска, когда ты вжимаешься в кирпичное крошево, стараясь укрыться за остатками стены, а по твоим позициям хлещет «кочующий» пулемет казаков – совсем другое.

Первым на позицию вышел АС-44, боевой ударный конвертоплан, получив информацию о том, что противовоздушная оборона противника подавлена, он резко ускорился и пошел вверх, заходя на широкий вираж для того, чтобы «стать на круг». Для того чтобы применять свое оружие, эта машина должна была описывать над целью круги, поражая противника огнем из всего бортового вооружения.

Но проблема была в том, что противника – не было. Мексиканцы решили занять здания и организовать оборону в них, правильно рассчитав, что все внешние точки обороны будут подавлены, а вот по зданиям, где находятся заложники – вести огонь не рискнут. При штурме же десантники будут с самого начала проигрывать морпехам, потому что морпехам полигон знаком как свои пять пальцев, а вот десанникам он не знаком, только по картам и макетам. Условия были честные – там все будет точно так же.

Один из конвертопланов завис над основным зданием, поливая огнем из всех четырех пулеметов, по двум тросам через люк в полу, как на СН-53, и через хвостовую аппарель на крышу посыпались десантники. В этот момент мексиканцы нанесли удар – отработали по конвертоплану разом из четырех снайперских винтовок Барретт-82, которые в мексиканской морской пехоте были за основные снайперские...

В пилотской кабине конвертоплана загорелся сначала один транспарант, извещающий об опасности, а потом еще несколько разом.

– Борт четыреста сорок пять, пожар четвертого двигателя. Борт четыреста сорок пять, пожар третьего двигателя. Борт четыреста сорок пять, утечка в гидравлике. Борт четыреста сорок пять, отказ основной системы управления, включена дублирующая...

Конвертоплан повело влево, опытный экипаж как мог боролся за машину. Миниганы с правого, атакованного борта озверели вконец – но полигон застилал дым, пущенный из нескольких закладок БДШ, больших дымовых шашек. Дым был плотный, густой, словно осязаемый – пулеметчики, на глазах которых были только приборы ночного видения, могли только бить наугад, пытаясь прикрыть поврежденную машину огнем, а вот у мексиканских снайперов были термооптические прицелы, и они били прицельно.

– Я Лазарь-три, атакован в воздухе, потерял половину мощности! Машину не удержать, иду на экстренную посадку!

Снайперы продолжали обстрел подбитой машины.

– Лазарь-один, ты что там, заснул?! Нас бьют в упор!

– Я их не наблюдаю! – раздался голос оператора систем управления огнем большого штурмовика. – У меня на радаре нет целей.

В голосе была паника.

– Так разуй глаза, твою мать! Они бьют справа, справа, понял?!

– Вас понял, цели справа!

Штурмовик открыл огонь из обоих пушек Готлинга наугад, пытаясь если и не поразить, то спугнуть снайперов – а потом сделал то, что прямо запрещалось инструкцией. Прервав полет по кругу, он перевел свои двигатели в режим висения и пошел вниз, выходя на позицию огня прямой наводкой. Зависшая в воздухе огромная туша штурмовика – отличная цель даже для гранатомета.

– Я Управление огнем, снижай скорость и иди по кругу, мы засечем их! Разведка, прошу выдать цели! Я не вижу цели!

– Они бьют из зданий! Мы их не видим!

Кто-то из десантников, успев высадиться на крышу до того, как подбили первую машину, догадался подсветить цель лазером, установленным на цевье винтовки – но это было все, что он успел сделать, – снайпер засек лазерный луч в прицел и поразил стрелявшего. Но и снайперы, выполнив задание на сто один процент, были обречены – снизившись до ста пятидесяти ярдов, тяжелый штурмовик вышел на огонь прямой наводкой.

– Я их засек! Выдал цель!

Оператор управления огнем увидел на экране здание и вспышки, бьющие из него. Это было шестнадцатизэтажное здание, где отрабатывали городской альпинизм и бой на высоте.

– Есть захват, есть разрешение!

– Зеленый свет!

Палец утопил кнопку – и длинноствольный тридцатипятимиллиметровый Бушмастер-3 выплюнул одной очередью пять снарядов.

– Цель поражена.

– Накройте их из Гатлинга, прикройте высадку!

– Принято.

Под шквальным огнем пилотам первого конвертоплана удалось посадить машину аварийно, рядом со зданием, которое надо было штурмовать. Операция уже была провалена – вторая машина не возьмет на борт всех, надо было ждать спасателей и свободный вертолет. Но игру надо было доигрывать до конца, пусть это была всего лишь игра.

Второй конвертоплан дождался, пока тяжелый штурмовик подавит все огневые точки в зоне высадки, потом завис над крышей здания, высаживая бойцов, – первая машина успела посадить одиннадцать бойцов, высаживались аварийно, из высадившихся боеспособны были только четверо, а один даже по-настоящему сломал ногу. Высадка десанта со второй машины началась относительно штатно – но это только в самые первые секунды. Мексиканский морпех, прятаясь в коробке вентиляционной системы, выбил решетку и открыл огонь, у него был гранатомет MGL-140, и он выпустил из него все шесть гранат по высадившимся пехотинцам, прежде чем его успели убить. И почти одновременно с этим огневая группа с первого этажа здания открыла огонь по десанникам, только высаживающимся с подбитой машины – а заодно и по самому конвертоплану тоже. И штурмовик попасть не мог – на маленьком пяточке было столько своих, что, примени он даже почти снайперский Бушмастер-3 – потери среди своих были бы неминуемы...

Командир американского десантного подразделения, убитый в самом начале боя снайпером и весьма злой из-за этого обстоятельства, решительным шагом подошел к собравшимся у высотного здания мексиканцам – они поздравляли снайперов, шумно обсуждали перипетии прошедшего боя, явно радуясь, что им удалось нанести американцам тяжелые потери и сорвать выполнение ими боевой задачи. Увидев разъяренного американского десантника, мексиканцы замолчали, повернулись к нему лицом.

– Какого черта вы дали дым? Мы чуть не угробили машину при высадке, по-настоящему!

– Разрешены любые приемы, сэр... – лениво ответил один из офицеров, в берете и с аккуратными усиками.

– Кроме этого есть нормы безопасности!

– Сэр, не думаю, что там, куда вы полетите, их кто-то соблюдает, – нагло и с вызовом ответил мексиканский офицер.

– Он прав! – раздался повелительный голос.

Американец обернулся – к ним подошел офицер-посредник с военно-морского флота США, из Командования специальных операций.

– Джентльмены, сбор у подбитого вертолета. Пять минут. Присутствие всех офицеров строго обязательно.

Через пять минут официально объявили, что по итогам операции американскому десанту засчитали поражение.

Тот же день Польша, южнее Варшавы **Wojskowa Formacja Specjalna GROM**

Капитан Вацлав Рычковский

Два вертолета Н-92 в специальном варианте конструкции Сикорского (разве не поляк?!) и производства завода Свидник, укомплектованных так, что они ничем не уступали американскому Pave Low, плавно скользили над ночным лесом, проносясь всего в двух-трех метрах от вершин сосен. Сосновый лес здесь посадили русские, когда пришли, а сама тренировочная база польского спецназа была организована на базе бывшего советского военного городка, здесь было немало никому теперь не нужных строений, какие-то приспособили для тренировочных нужд, в каких-то хранили имущество, в каких-то сделали казармы. Все-таки хоть они сейчас и воевали с русскими, но надо отдать им должное, после них на польской земле немало осталось разного добра...

– Одна минута! – выкрикнул сидящий у рампы офицер, он наблюдал за проносящимся в паре метров под ним пейзажем, сторожко отслеживая его дулом пулемета.

– Одна минута! Одна минута... – понеслось по отсеку...

Специальное подразделение армии GROM, что переводится как Grupa Reagowania Operacyjno-Manewrowego, мобильная группа оперативного реагирования, было сформировано восьмого июля девяностого года, почти одновременно с образованием новой, некоммунистической Польши – но готовить группу войскового спецназа в составе Армии Людовой начали еще по приказу генерала Войцеха Ярузельского. В восемьдесят втором году террористы из группировки «Народно-освободительная армия Польши» атаковали польское посольство в Берне, не обошлось без жертв. Сразу после этого генерал Ярузельский приказал генералу Эдвину Розлюбарскому формировать специальное подразделение в составе польской армии. Восьмое июля девяностого – это дата подписания приказа о формировании отряда GROM – но, видимо, это просто была его легализация, отряд уже был сформирован и действовал в совершенно секретном режиме.

Первым командиром польского спецназа был подполковник (потом генерал бригады) Славомир Петлицкий. В девяностом году после похищения и убийства польских дипломатов в Бейруте подполковник Петлицкий вместе с группой офицеров (интересно, а откуда они взялись, если польского спецназа еще не было?) был командирован в Бейрут с целью обеспечить прикрытия польской дипломатической и торговой миссии и обеспечить эвакуацию поляков из Ливана. Вернувшись, полковник Петлицкий подал рапорт на имя генерала Громослава Чемпинского, где предложил создать постоянно действующее подразделение польской армии, имеющее своей задачей защиту польских дипломатических представительств и польских граждан в любой точке земного шара. Восьмого июля генерал подписал приказ о создании GROM, и название это – это не только приведенный выше акроним, это еще и первые четыре буквы имени генерала, давшего жизнь новому подразделению.

Почти с самого начала – это невозможно, если до этого несколько лет не существовать и не тренироваться – польский отряд приступил к активной деятельности, причем в основном в интересах США. С девяностого года Петлицкий с группой бойцов приехал в Коронадо и приступил к тренировкам совместно с отрядами SEAL – военно-морским спецназом США. В девяносто первом – официально в той войне участвовал только польский женский госпиталь – GROM активно действует в Ираке, не уступая по активности британскому SAS и американской Delta. В частности, именно на GROM была возложена задача эвакуировать шестерых сотрудников ЦРУ из Багдада (!!!), с которой он блестяще справился (это при том, что отряд

создан год назад?!). Во время событий в Югославии GROM охраняет американскую дипломатическую миссию, американского посла лично, активно участвует в операциях по арестам сербских военных лидеров – их преимущество в изначальном славянском, помогающем быстро учить сербский и говорить на нем без акцента. В третьем году GROM совместно с отрядами SEAL занимает и обеспечивает охрану стратегически важного порта Умм-Каср, далее охраняет посольство США и Зеленую зону в Багдаде, охотится на бывших иракских лидеров по «колоде карт» и просачивающихся в страну оперативников Аль-Каиды. В Афганистане GROM – с самого начала, задачи все те же – охота на лидеров Талибана и Аль-Каиды, охрана дипломатов США там, где это не рискуют делать частные охранные компании. Оперативные группы GROM дежурят на авиабазе Баграм, никого другого к таким дежурствам, кроме американских спецсил и британской SAS, не допускают.

Таким образом – к четырнадцатому году, к году беды, – Польша располагала одними из самых мощных в мире подразделений специального назначения. Все оперативники GROM были подготовлены по самым высоким стандартам НАТО и имели как минимум год опыта активных боевых действий. Это – дорогого стоит.

Первые потери – предельно тяжелые, таких никогда не было – поляки понесли в четырнадцатом. На территории Украины их силы столкнулись не только с восточными ополченцами, но и с частями седьмой гвардейской воздушно-десантной дивизии и с частями двадцать второй бригады специального назначения. Все эти части тоже были хорошо подготовлены и имели солидный боевой опыт, не вылезая с тлеющего уже два десятилетия Кавказа. Итог – только в ГРОМе шестьдесят восемь погибших, двадцать три громовца навсегда остались в горящем Донецке, уличные бои в котором шли одиннадцать суток. Мало кто из поляков осмеливался признаться, что, если бы не американцы, русские могли бы дойти до Варшавы, до того, как американцы вмешались – русские и восточные ополченцы, вместе с едва ли не половиной украинской армии, которая стала воевать против поляков, – начали окружать Киев. После «замирения» поляки вышли из всех горячих точек, чтобы контролировать Украину, GROM присутствовал на Украине тремя батальонами из четырех. И тем не менее – двадцать восемь погибших за последний год, последний случай произошел четыре дня назад – русский снайпер убил оперативника GROM во время (очередной) операции по проверке паспортного режима и зачистке Луганска, стрелявшего так и не смогли задержать. Как и в давние времена – польские рыцари проливали кровь на окраинах великой Речи Посполитой, и пусть только кто посмеет сказать, что все это было напрасно. Не напрасно – хотя бы потому, что сейчас Речь Посполитая возродилась после трехсот лет распада и угнетения.

Це польска не сгинела!¹⁶

– Десять секунд! Заходим с востока!

– Готовность один!

Капитан Рычковский перещелкнул предохранитель в «боевое», дослал патрон в патронник и снова поставил на «безопасно». Польские спецназовцы были вооружены не Бериллами, как аэромобильная бригада, – а германскими НК-416 и НК-417. Пулеметы тоже были не польские ПКМ, а бельгийские Мк46 и Мк47, такие же, как у Дельты. GROM вооружался точно тем же самым, что и американские специальные силы, потому что им часто приходилось действовать вместе, и это было удобно.

По левому плечу хлопнули, он, не оборачиваясь, хлопнул соседа. Так в группе принято было подтверждать готовность...

Капитан Рычковский был истинным польским патриотом и рыцарем, пусть он воевал против России, и на его счету было как минимум девятнадцать русских – нельзя отказывать в

---

¹⁶ Переводится как «Польша продолжает жить!», выкрик польских патриотов. Русские переводили это как «Еще Польша не сгнила» и добавляли «уже скоро».

праве на патриотизм даже злейшему врагу. Он начинал в Ираке еще офицером пятой аэромобильной бригады и гордился тем, что единственной страной, которой выделили сектор ответственности, кроме Великобритании была Польша. Причем это был не самый лучший из секторов – американцы, отчетливо понимая, кто и что стоит, обычно выделяли «новым членам НАТО» несколько постов, где поспокойнее. Поляки воевали по полной программе.

Тогда же Рычковский, тогда еще капрал – встретился с украинцами. Возможно, лучше было бы, если бы поляки с ними тогда не встретились, ведь именно по результатам Ирака польским Министерством обороны был сделан вывод о том, что украинская армия практически небоеспособна и разбежится после первых же серьезных усилий по ее нейтрализации. Украинцы держали несколько постов и город Аль-Кут, они же по мере сил и возможностей помогали гонять колонны. Рычковский отлично помнил, что тогда было – когда боевики армии Махди пошли на штурм Аль-Кута, украинцы бросили позиции без боя и побежали, единственный погибший у них получил пулю в спину от «благодарных местных жителей» во время героического драпа¹⁷. Город потом брали и зачищали американские десантники и они, поляки, а украинцев с тех пор встречали не иначе как вытянутым средним пальцем. Украинцы, если чем и запомнились в Ираке, так это безудержным воровством и ченчем – то есть попытками устроить какой-то неравноценный обмен. В Ираке большой проблемой была питьевая вода, а в столовых сил стабилизации ее можно было брать без ограничений – и каждый раз украинцы выезжали на операции с машинами, забитыми баллонами с водой по самый верх, так что и стрелять-то невозможно было. То ли воевать поехали, то ли торговать...

Вот и приняли решение – входить малыми силами, GROM привлекли всего один батальон, мобильные силы были раздерганы по горячим точкам. На Украине же, уже как прошли западные области – стало понятно, что и украинцы кое-что могут. А еще эти русские.

На земле полыхнули вспышки, на мгновение просветив десантный отсек вертолета. Высадка имитировалась с боем.

– Пошли! Вперед!

Трос обжигает руки – и сразу падение с перекатом. Целая рота мотострелков, выполняя роль противника, усердно палит по ним со всех сторон, используя американские лазерные имитаторы стрельбы MILES последнего поколения, они позволяют точно имитировать выстрелы с обычным для пуль рассеиванием, а не просто бьют лазерным лучом. Вспышки со всех сторон, особенно много – со стороны штабного здания, там по, легенде, – заложники и основные силы сопротивления. Пулеметы и автоматы с обеих сторон заряжены холостыми, по вспышкам отлично видно, где обороняющиеся. У бойцов GROM вспышек нет, и неудивительно – глушители есть на каждом автомате...

Капитан из положения лежа несколько раз выстрелил, у него на автомате был прицел ACOG, и целиться было удобно даже без ночной оптики. Он бил по окнам второго этажа, по плещущему из них пламени пулемета – и со злым восторгом заметил, что пламя погасло.

В следующее мгновение его долбануло током, да так, что он на несколько секунд потерял сознание.

– Пся крев! – заорал он в полный голос, только придя в себя.

Делать было нечего – проиграл. Кто-то попал в него. Это была еще одна новая тренировочная система, пара батареек и два электрода как раз там, где почки – жесткая, но действенная, при попадании в тебя пули система бьет тебя током, сила удара зависит от вида попадания – легкое ранение, тяжелое, смертельное. Не хочешь, чтобы тебя било током, не подставляйся под пули.

Впереди продолжался бой – спецназовцам удалось зацепиться за подступы к зданию, но прорваться сразу так и не получилось. У мотострелков из строя вышли уже две трети бой-

---

¹⁷ Увы, это соответствует действительности.

цов, но оставшиеся все же удерживали периметр, не давая прорваться. Дураку было ясно, что штурм здания сорван, у обороняющихся полно времени, чтобы расстрелять заложников. Спецназовцы потеряли уже треть бойцов из тех, которые высадились с вертолетов.

Кто-то остановился, проходя мимо.

– Вацлав – ты, что ли? Дай, помогу.

Рука протянулась из темноты, капитан уцепился за нее, с трудом поднялся. Током и в самом деле долбануло крепко, во рту солено-железный привкус, как будто железку лизал, голова кругом идет, сердце как сумасшедшее колотится.

– Марек, ты, что ли?

Марек – пулеметчик, из мазовшан, по-русски совершенно без акцента говорит, знает белорусский и украинский – вымученно улыбнулся.

– Попить есть?

Капитан снял с пояса флягу, протянул другу, потом напился из нее и сам. Марек служил под его началом в северном секторе, самом хреновом – леса, и Беларусь рядом, а оттуда то и дело приходят *гости*. На некоторых направлениях – по несколько дней поспать не удавалось.

– Тебя где сняли?

– Пулемет. Думали, что подавили, дали дым, рванули к входу – и в упор.

– Хреново...

– Что-то делать надо. Надо заранее зачистку сектора делать, при неподавленной обороне нас там всех вобьют.

– Там американцы будут.

– Им бы периметр удержать. Там, по данным разведки – не меньше двух тысяч боевиков в городе, рядом у них что-то вроде лагеря, и в самом городе живут. И еще охрана АЭС.

Над штабной машиной горел свет, тут же стояли «погибшие», невесело переговариваясь, кто-то курил светляком тлеющую в темноте сигаретку, кто-то пил из фляжки. Навстречу им попался подполковник Борок, командир их роты.

– Что? И вас тоже?

– Пан подполковник, там не пробиться. Четыре пулемета только в самом здании.

Подполковник только махнул рукой и скрылся в темноте.

США, штат Северная Каролина

Форт Брэгг

Временный оперативный штаб

01 июня 2014 года

– Смотрим еще раз. Капитан, давайте по очереди. Сначала общий план, потом моделирование, потом нарезку с камер. Исходные прокрути.

– Есть.

Оперативный штаб, который возглавлял контр-адмирал Стивен Бьюсак, не имея пока постоянного пристанища, собрался в месте, которое как нельзя лучше подходит для планирования и подготовки специальных операций. Три дня понадобилось на то, чтобы собрать все данные о проведенных масштабных тренировках – а у каждого солдата на каске была видеокамера, свести их воедино, собрать данные объективного контроля со всех летательных аппаратов, участвовавших в операции. Все это скормили кластерному компьютеру, установленному в подвале штабного здания восьмьдесят второй дивизии – у него было то ли две, то ли три сотни процессоров, и он мог моделировать виртуальную реальность, почти из ничего создавая что-то вроде видеоигры. Ценой в этих видеоиграх были жизни и смерти людей.

Исходные данные – карты, описание участвующих сил, исходные данные по характеру объектов, которые предстояло штурмовать, и уровню оказываемого сопротивления – прошли на утроенной скорости, сливаясь в мельтешение на экране, а вот когда началось самое интересное, офицер, отвечающий за проведение компьютерной презентации, переключил ролик в режим нормального воспроизведения. Взору присутствующих предстала масштабная карта юга Аризоны, сначала это был спутниковый снимок, потом оператор начал как бы наезжать объективом на него, изображение начало увеличиваться с каждой секундой, превращаясь в рельефную карту местности. Северо-восточнее Фортуны Футхиллис над самой землей у восьмой дороги висели шесть боевых вертолетов, потом изображение с бешеной скоростью начало смещаться, пока все не увидели, что севернее Ногалеса, прикрываясь холмами, у самой границы висят еще три конвертоплана, один из них ударный. Потом оператор отъехал немного, чтобы показать позиции ПВО, а потом отъехал уже сильно – чтобы можно было видеть и два бомбардировщика В2, и группу подавления ПВО, которая была исключительно беспилотной – в практике крупных боевых операций полностью беспилотное подавление ПВО встречалось впервые.

Затем в левом углу экрана появились бегущие цифры – таймер оперативного времени, а события на экране пустились вскачь. Сначала БПЛА вступили в единоборство с системами ПВО – показано было отлично, почти как в фильме или хорошей компьютерной игре: и раскатывающиеся от попаданий ракет беспилотники, и взлетающие ракеты, и разрывы управляемых ракет, уничтожающие зенитные комплексы, – все, как было бы в реальной жизни, если бы это не было просто тренировкой.

Потом вперед пошли оба бомбардировщика, они перешли границу, а потом оператор потерял к ним интерес. Экран разделился надвое, каждая половинка жила собственной жизнью и показывала свое, но почти одно и то же – летящую низко над землей группу конвертопланов. Показано было столь убедительно, что даже города и поселки, рядом с которыми они пролетали, жили собственной жизнью, там вспыхивали и гасли окна, по дорогам ездили машинки нескольких видов, были видны даже люди, правда, размер у человеческой фигурки был – с муравья.

Потом компьютерное изображение сменилось реальным, показанным с нашлемных камер оперативников, причем часть изображения была предоставлена польской стороной. Ничего удивительного – дым, вспышки гранат, пулеметный и автоматный огонь, дергающееся, рваное изображение, чередование разных оттенков тьмы и вспышек.

После этого начали прокручивать компьютерный монтаж боя. В Хермосило, на окраине крупного города все прошло намного более гладко, чем на полигоне севернее Сьюдад-Хуареса. Два вертолета зависли над зданием, по тросам один за другим полетели вниз десантники, причем сами вертолеты оцетинились огнем, поддерживая высадку десанта. Потом, как только высадилась первая группа – вертолеты скользнули вверх, не прекращая подавлять огневые точки, на смену им пришла вторая, затем третья пара. Затем стены здания стали как будто прозрачными, чтобы все видели штурм. К моменту прорыва штурмовой группы в помещение у штурмовиков погиб только один человек, он так и был изображен лежащим, хотя в жизни он выругался и пошел к пожарной лестнице, чтобы не мешать остальным. А вот после того, как группа вскрыла двери и прорвалась в помещения – началась собачья свалка. Естественно, обороняющиеся знали план здания бывшего автозавода и подготовились к обороне – штурмующих встретил плотный автоматный и пулеметный огонь. В одном месте обороняющиеся тупо поставили баррикаду, перекрыв длинный коридор, баррикаду прикрывал станковый пулемет. По условиям учений светозумовые гранаты разрешалось использовать «с полной реальностью» – то есть атакующие слепили и глушили ими обороняющихся всерьез. Но в данном случае противником выступала спецгруппа мексиканских *federales*, натасканная на уничтожение наиболее опасных банд, поэтому гранаты-вспышки не причиняли обороняющимся особого вреда. Обороняющихся уже на момент штурма было меньше за счет подавляющего огня вертолетов, но они все-таки превосходили наступающих навыками и тоже использовали спецоружие. Сражение, оставляя на бетонных перекрытиях этажей все новых и новых убитых, катилось вниз, где, по условиям учений, были заложники.

В Сьюдад-Хуаресе было все почти то же самое, за исключением того, что здесь нападающим противостояла мексиканская морская пехота. Этим удалось открыть огонь по высаживающимся десантникам уже в момент высадки – при «разборе полетов» в полный рост проявился промах с прикрытием, АН-44 был совершенно непригоден для прикрытия спецотряда с низкой высоты, просто потому что он был один и имел слишком много излишне мощного, рассчитанного на воздействие с нескольких километров оружия. А у операторов оборонительных систем транспортных МН-44 просто не хватило огневых возможностей, получалось так, что одновременно могли работать лишь два Минигана по всем целям. Мексиканские морские пехотинцы сыграли ва-банк и выиграли – в отличие от федералов они сразу оказали отчаянное вооруженное сопротивление на этапе высадки и сорвали джекпот – система показала, что один из транспортных вертолетов был серьезно поврежден ответным огнем, настолько серьезно, что продолжать выполнение задачи не было никакой возможности. Несмотря на то что американцы понесли тяжелые потери при высадке – счет им удалось-таки сравнять. Почти. При примерно равных итоговых потерях – обороняющиеся потеряли немного меньше атакующих – атакующие ворвались в ставшее стеклянным здание, и началась та же самая собачья свалка. Только морпехи оказались к ней подготовленными – разбившись на боевые пары и четверки, они блокировали лестницы, встречая нападающих шквальным огнем. В итоге атакующие превысили лимит времени и офицер-посредник закончил бой, объявив им о проигрыше.

У поляков в снаряжении не было датчиков, позволяющих при «разборе полетов» моделировать ситуацию в программе виртуальной реальности – поэтому учение на польском полигоне показали только с камер стрелков. Все одно и то же – высадка и град пуль повсюду, мелькание вспышек и падения – падает то один, то другой. Еще бы не падать – если тебе к почкам двести двадцать вольт подадут. В США, кстати, эта тренировочная система была запрещена, как негуманная, но неофициально ею пользовались, уж очень хорошие результаты она давала.

Изображение внезапно остановилось, включили свет. Несколько секунд все подавленно молчали – как все смонтировали, стало ясно, что план никуда не годится, так они за одного спасенного заложника потеряют пять-шесть штурмовиков, а если русские расстреляют заложников, то вся операция будет проведена впустую.

Никто ничего не сказал, но контр-адмирал, сидящий в первом ряду, затылком чувствовал обращенные на него взгляды. Принять за основу при планировании операции воздушный десант с предварительной подготовкой предложил именно он. И он мог поставить сто баксов против одного, что как минимум половина из присутствующих думает сейчас вот что – «вот так ты и угробил ребят в Пакистане, ублюдок траханый...».

– Какой был заложен уровень противодействия? – спросил контр-адмирал, ни к кому конкретно не обращаясь.

– В Хермосило – морская пехота и федеральная полиция, мы оцениваем их боеспособность примерно в семьдесят пять процентов от боеспособности атакующей группы, то есть спецназа ВВС США. В Сьюдад-Хуаресе, мексиканская морская пехота – боеспособность восемьдесят процентов от боеспособности солдат восемьдесят второй дивизии, но теперь понятно, что она выше, не менее восьмидесяти пяти процентов. В Польше – части пятой аэромобильной дивизии, мы их оценили в семьдесят процентов от восемьдесят второй дивизии.

– Сто! – подал голос генерал бригады Микула Барза, командующий польским спецотрядом GROM. – Не менее ста процентов, возможно даже выше. Пятая дивизия не вылезает из Украины, до этого был Ирак и Афганистан. Ее боеспособность я оцениваю никак не ниже вашей восемьдесят второй. Если паны желают, можно провести совместные тренировки.

Типичный польский гонор, без него никуда и никак. Но в данном случае генерал Барза был однозначно прав.

– А мы не переоцениваем противника? – спросил Бьюсак.

– Не думаю, Стивен... – ответил бригадный генерал Бастер Меллон, бывший командующий 1SFOD Delta, а теперь командующий дивизионом специальной активности ЦРУ США, здесь он выполнял роль эксперта и одновременно командующего группы офицеров-посредников. – Боюсь, мы даже могли их недооценить.

– Недооценить? Там будут гражданские. В основном. Гражданские, вы это понимаете?

– Там будут не гражданские, – сказал Меллон, – самая большая ошибка, какую мы можем допустить сейчас, на этапе планирования, это приравнять русское население, особенно население юга России, к гражданским. Во-первых, русские до сих пор сохраняют систему комплектования армии частично призывной, нам так и не удалось ее окончательно разрушить. Следовательно – значительная часть мужского населения России имеет хоть какой-то, но боевой опыт. Второе – это полиция. В отличие от наших полицейских участков – у их полиции в участках хранятся бронежилеты, автоматы и снайперские винтовки. Сами полицейские в южном регионе имеют опыт ведения боевых действий поголовно, потому что их постоянно отправляют на Кавказ в командировки. Третье – это беженцы и казаки. И тех и других в городе полно, у них есть оружие и они готовы воевать. Почти все казаки также имеют опыт боевых действий. Не нужно забывать и то, что поколение сорокапяти-шестидесятилетних мужчин в России прошло через военную службу поголовно, причем в те времена к подготовке относились намного тщательнее, чем сейчас. Четвертое – в России полно ветеранов различных войн и локальных конфликтов, начиная с семьдесят девятого года у них война не прекращается ни на минуту. Пятое – нельзя недооценивать деятельность Союза ветеранов по подготовке массовых вооруженных формирований, в том числе из подростков, а также по закупке и распространению оружия. Южный регион России – это наиболее беспокойный регион с наибольшим количеством оружия на руках у населения. Рядом Северный Кавказ, а там обстановка дестабилизирована начиная с девяносто первого года прошлого века, то есть выросло целое поколение людей, которые готовы постоять за себя с оружием в руках. Этнически однородные преступные группировки

представляют значительную опасность для жителей этого края, и поэтому они организованы и вооружены, у них существует система оповещения, позволяющая быстро поднять тревогу. Шестое и последнее – ни в коем случае нельзя недооценивать Союз ветеранов и примыкающие к нему организации. Сам Союз полностью состоит из мужчин, отслуживших в армии или правоохранительных органах, участвовавших в боевых действиях и имеющих значительный боевой опыт. Они проводят тренировки, централизованно закупают оружие, ведут боевые действия на Украине, в Средней Азии, на Кавказе. Их тайно поддерживают не только частные лица и организации, но и армия, они имеют возможность получать боевое оружие и боеприпасы. То, что мы собираемся сделать, называется – ткнуть палкой в гнездо чертовски больших и злобных шершней. Я не уверен, что у десанта будет час времени на то, чтобы сделать дело. Через час весь Ростов-на-Дону будет знать, что происходит, а к месту боя выдвинутся полицейские, местные волонтеры и спецназ из двадцать второй бригады, которая расквартирована рядом с Ростовом, и из антитеррористического центра ФСБ, который расквартирован в самом Ростове. Вертолетам придется оказывать почти непрерывное огневое воздействие, чтобы хоть как-то обеспечить периметр, и то этого может не хватить. В каждом русском бронетранспортере есть укладка, в укладке есть ПЗРК. ПЗРК есть и у ветеранов, мы не знаем где – но они точно есть, они постоянно поступают на Украину и применяются там. Я не верю, что за час над городом не собьют, по крайней мере, половину вертолетов из имеющихся. Чтобы обеспечить периметр операции – там нужно высаживать не меньше батальона рейнджеров на каждом из объектов. А это – дополнительные силы и дополнительный риск, господин контр-адмирал, сэр.

Анализ его плана Бьюсаку не понравился.

– Хотите, я скажу, в чем проблема? Те, кто оборонял здания, знали, что мы прилетим, понимаете? Они знали и готовились, занимали позиции, строили баррикады в коридорах, даже устанавливали пулеметы. А хотите, скажу, как это обычно бывает в действительности? Ты стоишь на часах, смертельно хочешь жрать и куришь большой и толстый косяк, считая минуты, пока тебя не придут сменить. И тут – у тебя над головой вдруг появляется вертолет ВВС США и тебя прошивает струей из Минигана, а потом все то же самое происходит и с другими ублюдками, которые не знают, что делать и вообще – какого черта происходит. И пока кто-то там, в здании, оторвет задницу от кровати и примет на себя командование – двери уже вышибет взрывом, и внутри здания будет твориться рукотворный ад, устроенный доблестными джи-ай. Вот как это происходит.

Возможно, еще три года назад, находясь на действительной службе, бригадный генерал не сказал бы то, что он сказал сейчас. В конце концов, Бьюсак хоть на одну ступень, но был старше его по званию, да и в штабе командования специальных операций было полно моряков, которые держались друг за друга. Но Меллон сейчас работал на Лэнгли, где Бьюсак не имел толстой, жирной, волосатой руки – и ему было насрать на то, что он о нем подумает.

– Вот что, сэр, меня приглашали как независимого специалиста для того, чтобы я оценил план и указал на его слабые места. Я это сделал, письменный отчет уже должны были доставить вам с курьером, сэр. План ни хрена не годится, вот что я там написал. Если вы хотите угробить *еще* пару сотен американских солдат, дело ваше. Но я не имею ни малейшего желания участвовать в этом, и если из Объединенного комитета начальников штабов придет запрос, я отвечу им то же, что ответил сейчас вам. План. Ни. Хрена. Не. Годится. Сэр.

– Вы в этом уверены, господин генерал в отставке? – недобрым тоном поинтересовался Бьюсак.

– Абсолютно, сэр. Если вы желаете – я могу отойти в сторону. Но своего мнения я не изменю, и ответственность за операцию ляжет полностью на вас.

Бьюсак, поразмыслив, был вынужден согласиться. Все-таки он был неплохим офицером, просто у него еще с лагеря подготовки были замашки штурмовика, а не диверсанта. С такими замашками хорошо поднимать взвод в атаку под пулеметным огнем где-нибудь в районе Кван

Три¹⁸, но не действовать за линией фронта. В Пакистане он уже получил щелчок по носу, этого было более чем достаточно.

– Что вы предлагаете, генерал? – более спокойным и миролюбивым тоном спросил он.

– Изменить план операции, точнее первую его часть. Доставка воздухом никуда не годится, это не Сонг Тай. Там осиное гнездо в чистом виде, как только вертолеты появляются над объектом – они и десант будут подвергаться продолжительному и сильному огневому воздействию. Здесь неприменимы ни иракский, ни афганский опыт – ни там, ни там, у противника не было ПЗРК в массовом количестве, а здесь они есть. Поэтому я бы предложил вот что – группы проникают в Россию нелегально, под видом коммерсантов или кого-либо еще... там такой бардак, что это пройдет без вопросов. По сигналу, они скрытно сосредотачиваются у цели и наносят удар, тихо и быстро. Никаких ковбойских и кавалерийских штучек, никаких труб, трубящих атаку. Тихо, быстро и смертоносно. После чего группы вместе с заложниками отступают на заранее обозначенные позиции. Россия хороша тем, что там много свободного пространства. И вот тут-то вступает в действие авиация – отвлекающий удар, уничтожение средств ПЗРК, после чего эвакуаторы прибывают на вертолетах в указанный район и эвакуируют спасателей с заложниками. Это будет игра по принципу «пришел-ушел», никаких барражирующих над городом вертолетов, как в Могадишо. На весь третий этап операции у нас уйдет не больше часа, как только русские вызовут кавалерию – мы смоемся.

– Господа? – вопросительно произнес Бюасак.

– Разрешите? – поднял руку, как в школе, польский полковник, прибывший с генералом Барзой.

– Прошу, – чисто по-польски ответил Бюасак, налегая на «о», он знал несколько ходовых слов и выражений по-польски, потому что поляки тренировались на базах SEAL.

– Пан генерал в чем-то прав, мой опыт тоже говорит о большей желательности скрытного проникновения к объекту, нежели о штурмовых действиях. Остается один вопрос, паны генералы, – кто будет осуществлять этот план. Потребуется люди со знанием русского языка. Я так понимаю, паны, что предыдущая штурмовая группа была укомплектована исключительно из потребностей быстрой воздушной атаки. Часть людей сможем предоставить мы... – полковник сознательно поднял этот вопрос сам и обозначил пределы, чтобы не просили больше, – ну, скажем, взвод, возможно, чуть больше. Но больше людей у нас нет.

Так получилось, что все взгляды уперлись в генерала в отставке Бастера Меллона. Получилось как всегда – инициатива поимела своего инициатора. Раз ЦРУ подняло этот вопрос, пусть ЦРУ и разгребает все это.

– Я так полагаю, на флоте остались специальные команды, предназначенные для действий против России, – сказал генерал.

– Увы, джентльмены, – с тщательно скрываемой злорадностью сказал Бюасак, – в течение второй половины девяностых и всех нулевых мы не считали Россию соперником, и как только приходила пора урезать расходы, резали прежде всего за счет сил, предназначенных для противодействия России. Я могу найти нескольких парней на флоте, способных сойти за русского, – но это все.

Генерал Меллон прикинул. Силы в ЦРУ были – в отличие от армии ЦРУ никогда не забывало, что есть Россия. Тот лагерь... раньше он был в Турции, теперь перенесен на территорию Ирака. Есть еще один лагерь... в северном Афганистане. Там можно найти до тысячи специалистов, которые ненавидят Россию всей душой, всем сердцем и пойдут на любую операцию против нее. Эти лагеря были тренировочными, именно там тренировались спецподразделения SAD¹⁹ и некоторые подразделения армии США, в частности – бойцы десятой горной дивизии.

---

¹⁸ Это во Вьетнаме.

¹⁹ CIA Special Activity Divisions.

Отрабатывалась так называемая «техника боевого рения» – то есть действия мелкими партизанскими отрядами на территории противника. Но это были и тренировочные лагеря для самих инструкторов... из них ЦРУ готовило волков, способных разжечь новый адский костер на всем Северном Кавказе.

Возможно, время пришло.

– Господа, я должен получить разрешение директора Национальной разведки для того, чтобы задействовать имеющиеся у нас силы. Это слишком серьезная операция.

– Мы все это понимаем, господин генерал, – Бьюсак сумел скрыть улыбку, он наказал этого заносчивого армейского убудка, переложив большую часть ответственности на него, – но об операции доложено в Белом доме. И там высказали большую заинтересованность в ее успешной реализации.

**Российская Федерация, Дагестан
Махачкала, Ленина, 7
УФСБ по Республике Дагестан
22 июня 2015 года**

Если занавесить шторами окна, раскачивать вагон и объявлять остановки, можно уже никуда и не ехать.

Размышления о силе и слабости власти

Автор

Генерал-лейтенант госбезопасности Илья Петрович Проносов в нынешние, не особо спокойные времена имел одно, но стратегическое преимущество – он был русским. Он не только был русским, но и имел чистую биографию, а также орден Мужества, который из скромности никогда не надевал. Генерал Проносов был кадровым сотрудником ФСБ, специалистом по Северному Кавказу. Обе чеченские он *отбарабанил* на переднем крае, одну начинал капитаном, на вторую приехал майором, закончил подполковником. В ФСБ он числился на хорошем счету – боевой генерал, с ранением и боевыми наградами, умеет хорошо докладывать, строить работу, но в то же время и *понимает*. Понимает – это значит понимает, как наладить сбор денег с территории, на которой он работает, и как, кому, в какие высокие кабинеты этот денежный поток направить. Кроме того, он никогда не подставлял и не подсиживал начальство, по крайней мере, никогда не был замечен в этом. Такие работники ценятся на вес золота, вот почему в двенадцатом году генерал-майор (тогда еще) Проносов был назначен начальником УФСБ по Махачкале и Республике Дагестан, на должность, ценящуюся поболее иного высокого кабинета в Москве. В Москве чиновники что делают? Жрут да штаны протирают. А тут, на земле, кого-то потолковее надо, чтобы и дело знал, и... не дело – знал не хуже. Его потому и держали тут, хотя он точно уже перевод в Москву заработал – приди кто другой, он или работу завалит, или то, что после работы положено делать (деньги собирать), или и то и другое разом. Толковый человек, он и есть толковый человек, он должен на земле работать, к делу быть приставлен, а поощрить можно и материально. Не зря говорят – г... всегда наверх всплывает – великая сермяжная правда заключена в этих словах.

Генерал-лейтенант Проносов четко чувствовал «потребность момента» и всегда ей соответствовал. У него не было ни «Мерседеса», ни «Бентли» – на работу он ездил на относительно скромном «Шевроле Субурбан» с мощным бронированием от Centigon. Всемирно известная фирма, «иракская» модель, хорошо защищенная от подрывов, обстрелов и прочей напасти – и в то же время машина скромная и дельная. Вот если бы он, как предыдущий глава УФСБ, купил бы (а то и в подарок принял) бронированный шестисотый «Мерседес» – тут же и вопросы бы посыпались, что да как да на какие деньги. А тут – и машина к делу, и комфорт – не хуже, чем у лимузина, и закуплена вполне официально – провели тендер и купили за государственный счет. В Дагестане было распространено мнение, что бронированные внедорожники покупать нельзя, только седаны, потому что внедорожники при взрыве мощного фугаса переворачиваются, они большие и центр тяжести у них высоко. Но генерал ездил именно на внедорожнике, а против фугасов у него было свое средство – его сопровождала группа охраны, впереди шел тяжело бронированный «Тигр» с пулеметом, сзади – еще лучше защищенный новенький «Волк», устойчивый к подрыву и тоже с пулеметом. Генерал-лейтенант, равно как и его супруга имели (в России, естественно, про офшоры речь не идет) средних размеров коттедж в Махачкале, на Пржевальского, там, где садовые участки, и четырехкомнатную квартиру в Москве в новом доме, но никаких излишеств. Была у них и машина – BMW X3, одна на двоих, на ней

ездила супруга в Москве, потому что ей на чем-то надо было ездить, а сам генерал передвигался исключительно на служебном транспорте. Сын генерала жил тоже в Москве и работал в Газпроме, дочь жила в Санкт-Петербурге, удачно вышла замуж за преуспевающего адвоката и отношений с семьей не поддерживала. В общем и целом семья генерал-лейтенанта Проносова на первый взгляд была состоятельной, но не более того, никаких излишеств, не так, как раньше чиновники нагнали в открытую. Например, на руке генерал-лейтенанта Проносова был не Патек Филипп и не Радо, эти две марки швейцарских часов чиновники сильно уважали, – а скромные золотые часы, подарок от Президента в связи с пятидесятилетием. Пятидесятилетие Проносов отметил в прошлом году, и отметил тоже скромно, в доме отдыха ФСБ в Крыму, никаких ванн из шампанского и голых баб. Все чинно и с достоинством.

Были за генерал-лейтенантом Проносовым и видимые грешки. Например, он устроил свою любовницу – двадцати четырех лет от роду – в собственное ведомство с погонами прапорщика, да еще выбил ей доплату, за службу в условиях повышенного риска. Но это, как говорится, дело житейское, это в КГБ за подобные фокусы могли выкинуть в двадцать четыре часа с волчьим билетом, да что там за любовницу – просто за развод могли выкинуть. А тут... ну а что делать мужику, у него, может, седина в бороду бес в ребро, а супруга наотрез отказывается в грязную и опасную Махачкалу ехать. Телку эту проверили, когда на работу в ФСБ зачисляли – студентка, русская, родственники не сидели, связей с бандподпольем никаких быть не может – просто глупая телка, спешащая устроиться в жизни, пока не поздно, пока грудь стоит, а не висит. И генерал... если за это выгонять, в ФСБ никого не останется, а кому работать?

Сейчас был понедельник, и генерал Проносов собрал всех на утреннюю недельную оперативку – всех начальников отделов и управлений. Оперативка эта шла обычно около часа, чуть больше, чуть меньше, на ней кратко заслушивались итоги работы за предыдущую неделю, раздавались задания на следующую, зачитывались объявления для старшего офицерского состава. Генерал Проносов был хамом, но в меру, обычно устраивал разносы публично только тогда, когда подчиненные отчубучат что-то уж совсем из ряда вон выходящее...

Сейчас совещание началось как обычно; сначала полковник Мухаев доложил общее состояние по показателям деятельности, за которые отвечала ФСБ за прошлую неделю. Крупных, резонансных террористических актов не было, кроме того – московское начальство еще помнило обезвреженную на рынке в Дербенте бомбу. Ее подложил один из «связников» из банды, полностью находящейся под контролем управления, потом сообщил, успели обезвредить, нагнали телевизионщиков, после этого пару месяцев помнят и не долбают, если за эти пару месяцев, конечно, не произойдет чего-то экстраординарного. *Тихо* будет еще месяц, чуть больше – а потом надо будет еще что-нибудь придумать. Схрон, что-ли, какой найти...

Пока Мухаев докладывал – мысли генерала крутились вокруг двух вещей, схрона, который, если закладывать, то делать это надо не в спешке, а уже сейчас, и Кристины. Кристине вчера он подарил дорогое ожерелье из золота, которое он *принял* от одного из глав администраций районов в знак уважения, и ночью Кристина расплатилась за ожерелье сполна. А кому еще дарить? Не супруге же, безуспешно талию ищущей...

Тем не менее генерал не был бы разведчиком, если и в таком расслабленном состоянии не уловил бы, что количество преступлений, связанных с наркотиками²⁰, за неделю подскочило на одиннадцать процентов. Это был повод.

– Что у нас с наркотиками? – грозно сказал Проносов, кивком головы показывая Мухаеву, что можно садиться. – Кто отвечает за этот участок? Зинченко, вы? В чем дело?

Усатый, низенький хохол сноровисто поднялся с места.

---

²⁰ ФСКН, Федеральную службу по контролю за наркотиками в 2011 году распустили, а кого и посадили, наркотики передали в ведение ФСБ. Поводом послужило то, что в московском управлении ФСКН полковник ФСКН умер на даче от передозировки, а при вскрытии сейфа сотрудники прокуратуры (свои не успели вскрыть) обнаружили три килограмма героина. Об этом узнал президент и рубанул сплеча.

– Товарищ генерал, по данным агентуры, с Азербайджана прошла крупная партия героина, не меньше трехсот килограммов. Это сразу дало статистический всплеск.

– Чего дало? – недобро перебил генерал.

– Ну... рост изъятий наркотиков и преступлений, связанных с наркотиками.

– Дало... Я смотрю, по башке вам дать надо! Не работаете ни хрена! Бахмачев, почему не перекрыта граница?

Полковник Бахмачев, отвечающий за охрану государственной границы с Азербайджаном, поднялся, бросив откровенно ненавидящий взгляд на Зинченко. Подставляет, ублюдох, падло хохляцкое.

– Товарищ генерал, за последнюю неделю попыток прорыва границы не было, задержано шесть нарушителей, но ни у одного из них наркотики не изымались.

– Бахмачев, я что, идиот по-твоему?! – начал заводиться ни с того ни с сего генерал. – Ты думаешь, нарки напролом на твои пулеметы попрут? Прошли какой-то тропой, вот и все. Агентурную работу надо вести, в приграничной полосе! Всему вас учить надо!

Агентурную работу в приграничной полосе. Вот ублюдох, несет ахиною, и ведь с таким начальственным видом, б...ь. Попробовал бы он поработать в приграничной полосе, там у тех, кто ходит через границу – одни родственники в селах, здесь же позапрошлый век, горы, родственник родственника никогда не выдаст. И тем не менее начальство будет, как всегда, с умным видом «оказывать практическую помощь» тире – по мозгам ездить. Вот ведь б...

– Товарищ генерал, граница перекрыта, контролируется беспилотниками. У меня нет никаких данных относительно того, что через границу прошла крупная партия наркотиков.

На самом деле партия наркотиков и в самом деле прошла через границу, только не через ту, которую прикрывал Бахмачев. Партия наркотиков прошла через административную границу Дагестана и Чечни, а до этого ее привезли на гражданском самолете, летавшем в Дубаи. В Дубаи же героин привезли из Пешавара. В Чечне был именно тот мир, который хуже всякой войны, Чечня демонстративно подчинялась федеральному центру – а на деле же это было мирное и спокойное феодальное княжество, одной ногой стоящее в семнадцатом веке, а другой – в двадцать первом. Собственно говоря, таким был весь Кавказ, просто в Чечне это было выражено куда как лучше. Федеральные деньги, деньги от диаспоры и деньги от наркоторговли преобразили республику – Грозный поражал блеском стекла новых деловых районов, роскошными дворцами и мечетями, гладкими, как стекло, дорогами. Вот только общество так и не шагнуло дальше семнадцатого века, и если советская власть буквально за шкуру втаскивало все эти народы на один уровень с русскими – то новую, демократическую власть даже в чем-то устраивало, что под боком есть такое новофеодальное княжество и беспокойный Кавказ. Было где «осваивать» деньги, а намеки здесь понимали с полуслова. Все всех устраивало.

– Это говорит не в вашу пользу, Бахмачев, – сказал генерал, – не ведете агентурной работы, не работаете с осведомителями. А вы не улыбайтесь, Зинченко, нечему тут улыбаться! За борьбу с наркоторговлей в республике отвечаете вы! И за такой рост показателей спрашивать будем именно с вас, нечего вину на других перекаладывать! К следующему совещанию... нет, к четвергу в это же время жду обоих с планом мероприятий!

– Есть.

– Есть...

– Дальше. Что у нас по устранению недостатков, выявленных в ходе учений?! Емшаев, вы отвечаете?

– Так точно.

– И докладывайте. Пять минут у вас.

Остаток совещания прошел относительно спокойно, влетело только еще Мугуеву, что было непонятно – Мугуев был у генерала на хорошем счету, говорили даже, что он *заносит*. После совещания, в душе ругаясь на всех известных языках (а в Дагестане было больше трид-

цати диалектов плюс русский, плюс языки соседних республик), полковники, подполковники и майоры потянулись из кабинета и дальше тащить нелегкую лямку службы.

Генерал тоже вышел в приемную... хотел *сходить* к Кристине, выбил ей отдельный кабинет, вроде как работает с секретной документацией, хотя с кабинетами всегда была напряженка, постоянно работали какие-то московские группы, их надо было размещать, а здание не резиновое. Как только генерал вышел в приемную – подчиненные потянулись на выход, чтобы не попасть под новую раздачу, – к генералу подлетел адъютант.

– Товарищ генерал!

Генерал, уже настроившийся на десять минут приятного времяпрепровождения, недовольно поморщился.

– Что там опять?

– Спецсообщение. Срочное, товарищ генерал.

– Спецсообщение всегда бывает срочным. Что?

– Товарищ генерал, блокирован амер Рафиев с группой боевиков.

Все мысли о приятном времяпрепровождении мгновенно вылетели из головы генерала.

– Где?

– В районе пятого жилгородка, товарищ генерал.

– Кем?

– Нашими. Оперативниками Бадаева.

– Ментам сообщили? По открытой связи прошло?

Несмотря на то что милиция уже давно была переименована в полицию (кстати, кое-что в ней и в самом деле изменилось, только не от этого), по привычке полицейских так и продолжали называть ментами.

– Никак нет, товарищ генерал, в соответствии с вашей директивой. Закрытый канал, спецсвязь. Бадаев действует тихо.

– Выгоняй спецназ. Немедленно. Пользоваться только закрытым каналом связи. Упустите – порву. Машину мне!

Пятый жилгородок находился на самой окраине дагестанской столицы, с одной стороны был парк, с другой – кладбище и канал. Место было скверное и со скверной репутацией – с одной стороны был парк, а с другой – коттеджи и дальше лесной массив. Мог последовать как прорыв боевиков в направлении кладбища, так и деблокирующий удар со стороны кладбища сторонников амера Дагестана Башира Рафиева.

Башир Рафиев, кстати, не был дагестанцем – он был салафитом из Башкирии, беспокойного, глухо волнующегося региона. Вступил сначала в Хизбут Тахрир, потом связался с Аль-Каидой. Последователь чистого ислама. Совершил хадж, на родину не вернулся, осел в Дагестане. Ему здесь проще было действовать, поскольку он был не местный и у него не было родственников – ведь у тех, кто работает в милиции и ФСБ, тоже есть родственники, которые могут объявить кровную месть. А у Рафиева мстить было некому, только ему самому – да попробуй, найди. Отряды Рафиева действовали не только в Дагестане, но и в соседней Чечне, которую плотно *держал* Кадыров и примкнувшие к нему кланы и тейпы. На его счету было как минимум восемь милиционеров и трое сотрудников ФСБ. Готовил он покушение и на самого генерала Проносова, только оно было пресечено в самом начале. С этим не шутят, это тебе не бомбу на Дербентском рынке обезвреживать.

«Субурбан» генерала Проносова тормознул около БТР, укрывшегося за домом, рядом стоял большой, бронированный, с черного цвета кузовом «КамАЗ» – оперативный штаб, его вся Махачкала знала, как «черный ворон». Впереди шла вялая перестрелка – били одиночными, пристреливаясь, видимо. Еще дальше по улице была видна стоящая на спущенных шинах, исклеванная пулями, «Лада Приора», – скорее всего, оперативная машина ФСБ, но

рядом с ней никого не было, пострадавших вынесли из-под огня. Генерал вышел из «Субурбана», личные охранники, держа на изготовку автоматы, окружили его. Генерал в одно мгновение оценил, насколько слабо пока оцепление.

Почти в этот же самый момент, следом за «Субурбаном» остановился черный «Хаммер Н-1», возглавлявший колонну из трех тяжелобронированных трехосных «Медведей» – спецмашин, устойчивых к взрыву, совсем недавно получили, до этого на бронированных «Уралах» ездили – матерились. Спецназ ФСБ, оперативная группа АТЦ, антитеррористического центра, его возглавлял Мугуев, Аслан Мугуев, этнический вайнах, воевавший в первую чеченскую против федералов, а во вторую – за федералов, и за это приговоренный исламской шурой к смерти. Мугуев отличался особой, совершенно нетипичной для Кавказа методичной и хладнокровной жестокостью. Среди боевиков он был известен как «Эсэс».

– Усилить оцепление, – приказал генерал своим прикрепленным, – я буду в центре.

Не дожидаясь, пока подойдет Мугуев, генерал пошел в мобильный антитеррористический центр.

Мобильный антитеррористический центр был скопирован у американцев и представлял собой бронированный кузов, посаженный на длинное внедорожное шасси «КамАЗа», которое использовалось нефтяниками, кабина «КамАЗа» тоже была заменена на полностью бронированную от РИАТ. В машине были два монитора, позволяющие принимать информацию даже со спутника, два места операторов и даже небольшой зал для совещаний. Несмотря на внешне не такие большие размеры, десять человек эта машина вполне могла принять.

Сейчас в машине было только пятеро – двое операторов, оба аварцы, и трое сотрудников специального отдела ФСБ, занимающегося борьбой с терроризмом. Возглавлял группу подполковник Мирза Бадаев, невысокий, плотный, в черном берете, залихватски сбитом на сторону, чтобы скрыть разорванное осколками ухо. Бадаев был родственником президента Дагестана, правда, дальним – но это ничего не значило, родственник он и есть родственник. Работу он делал добросовестно, потому что у власти был его клан, клан, представителем которого был и он сам – значит, эту власть надо было оберегать. Он был настолько добросовестным, что, если бы ему прекратили платить жалованье, он все равно бы служил.

– Что произошло? – не теряя времени на приветствия, спросил генерал.

Мирза Бадаев почесал изувеченное ухо прямо через ткань берета.

– Поступила информация относительно эмира, достоверность мы определили как невысокую. Обычный сигнал, по телефону, анонимный. Я отправил группу проверить, это в районе коттеджей, тут рядом. Группу обстреляли, потом пошли на прорыв в город в двух машинах. Хорошо, что рядом тут оказалась еще одна группа, их сумели отжать от города. Потом эти шакалы захватили заложников, моих людей они обстреляли, предотвратить это было невозможно.

– Потери?

Мирза скривился.

– Из моих трое. Один молодой совсем... лично принимал. Одного почти неживого отправили в больницу, Аллах даст – выживет.

– А из этих?

– Двое во дворе валяются. Остальные – не знаем, наверное, тоже раненые есть. Две бабы там с ними, этого шакала с гаремом прихватили... шайтан.

За спинами тяжело хлопнула бронированная дверь, все повернулись – в помещение штаба вошел Аслан Мугуев, вайнах с волосами цвета вороненой стали и такими же глазами. Глаза скрывали серо-стального цвета «полицейские» очки, он был в полном боевом – «стеч-

кин» под левую руку (Мугуев был левшой) и ПП-2010²¹ в кобуре на груди, как у американских пилотов морской пехоты. Аслан Мугуев не любил много болтать, говорили, что его осколком резануло по горлу в Грозном, то ли в первую войну, то ли во вторую, и теперь ему больно говорить. Он так и остался у двери машины, и генерал Проносов видел свое лицо, отражающееся в каплевидных стеклах очков.

– Эвакуацию провели?

– Нет, не успели.

– То есть? – разозлился генерал.

– С нижних этажей все вышли. С верхних выбежали самостоятельно, но проверять мы не проверяли. А по инструкции надо бы.

Генерал посмотрел на часы:

– Что он говорит? С ним вышли на связь?

– Ничего толкового. Говорит – бабам дайте выйти, после чего делайте что хотите.

Полиция могла появиться в любую минуту.

– Прикажете вести переговоры?

– Никаких переговоров. Приказываю начать штурм. Немедленно...

Аслан Мугуев утвердительно кивнул головой, повернулся и вышел.

Штурм, который проводили дагестанские спецназовцы, совсем не походил на действия... к примеру Hostage Rescue Team FBI или Special Air Service. Более того, если бы кто-то из командного состава в этих специальных антитеррористических группах решил провести *такой* штурм – его немедленно отстранили бы от должности и как минимум выгнали бы из группы с волчьим билетом. Но это там... а Дагестан есть Дагестан.

Первым делом по осажденному зданию открыли огонь снайперы – из обычных СВД и тяжелых В-2010²² – не по целям, а просто на подавление. При этом пули В-2010 запросто пробивали хлипкие стены хрущобы. Под прикрытием снайперского огня три Медведя подобралась ближе, образовав своего рода передвижную баррикаду. Из одной из машин, головной, вышли два бойца и открыли огонь из реактивных огнеметов РПО «Шмель» – из машин им подавали огнеметы, а они из них стреляли. Сделав восемь выстрелов – стены после этого были черными, из всех окон вырывалось пламя, – спецназовцы Мугуева прекратили огонь и остались на месте, а вот второй и третий Медведи, из которых люди не выходили, – ускорились и подкатили прямо к подъезду. Из них выбежали две группы тяжелых²³ и моментально скрылись в подъезде. Снайперы тоже прекратили огонь, через несколько минут, один из спецназовцев выбил прикладом остатки стекла в подъезде между четвертым и пятым и помахал белым платком.

Контртеррористическая операция в районе пятого жилгородка завершилась.

Полковник национальной гвардии Чернов Владимир Александрович, потомственный казак Терского казачьего войска, прибыл в Пятый жилгородок, когда уже все завершилось...

Сухой и жилистый полковник, наголо еще со времен второй чеченской бреющий голову, вышел из бронированного «Волка», который полагался ему по должности (неспокойно было), огляделся по сторонам. Кислый дым, плывущий из переулка, подсказывал ему, что все уже закончилось. И закончилось – до его прибытия.

К полковнику подскочил низенький аварец-полицейский из оцепления – докладывать. Чернова уважали все, в том числе и не русские.

---

²¹ В настоящее время только разрабатывается. Оружие ближнего боя под патрон 5,45*25, аналог германского MP-7, выглядит как нечто среднее между MP-7, швейцарским MP-9 и нашим ПП-2000.

²² Еще одна винтовка, которая только разрабатывается. Сильно похожа по конструкции на Барретт-82.

²³ **Тяжелые** – специфический термин, бойцы в штурмовом снаряжении, включающем в себя бронежилет, держащий как минимум пулю «АКМ» со стальным сердечником, и титановую штурмовую каску с забралом.

– Потом... – отмахнулся полковник, – потом доложишь. Хотя скажи, тебя как сюда вызвали? Ты как здесь оказался?

– Так мы тут рядом дежурили, товарищ полковник. Услышали выстрелы, поехали сюда. Тут нам сказали – раз приехал – вставай в оцепление.

– То есть не вызывали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.